

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

ИСМАИЛОВА МАЪРИФАТ БАХРАМБЕКОВНА

**ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание магистерской степени
Лингвистика № 5A120102 (английский язык)

Работа рассмотрена
и допускается к защите
зав. кафедрой
к.ф.н. Галиева М.Р
«_____» _____ 2014

Научный руководитель
к.ф.н. доц. Таджибаева А.А.

Ташкент - 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теория прецедентности: основные положения	
1.1. Прецедентный текст: истоки, критерии определения.....	7
1.2. Формы функционирования прецедентного текста.....	15
Выводы к первой главе.....	25
Глава II. Типология прецедентных текстов	
2.1. Аллюзия как способ введения прецедентного текста.....	28
2.2. Типы прецедентных текстов.....	37
Выводы ко второй главе.....	53
Глава III. Репрезентация прецедентного текста в художественном тексте	
3.1. Прецедентное имя в художественном тексте.....	55
3.2. Прецедентное высказывание в художественном тексте.....	65
3.3. Прецедентная ситуация в художественном тексте.....	74
Выводы к третьей главе.....	81
Заключение.....	83
Список использованной литературы.....	88

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация выполнена в русле лингвистики текста, и посвящена изучению текста в ракурсе теорий интертекстуальности и прецедентности.

Актуальность темы исследования определяется во-первых, антропоцентрической парадигмой современной лингвистической науки, под которой понимается переключение интересов исследователя с объектов познания на познающего субъекта, во-вторых, в связи с расцветом постмодернистского течения в литературе в центре внимания исследователей оказался лингвистический механизм явления интертекстуальности, базирующийся на понятиях прецедентных текстов как свернутых программ таких текстов. Актуальность работы обусловлена также недостаточной разработанностью целостной теории интертекстуальности и прецедентности, необходимостью правильного декодирования лингвокультурной информации, заложенной в основу произведения. На этом фоне: 1) недостаточно изучены сравнительные характеристики различных типов англоязычного корпуса прецедентных текстов; 2) не создана структурная модель знака прецедентного текста.

Целью работы является разработка типологии прецедентных текстов и описание наиболее продуктивных типов источников прецедентности; комплексная характеристика функционирования прецедентных текстов различного происхождения в англоязычном дискурсе. Поставленная цель конкретизируется в виде следующих **основных задач**:

- рассмотреть сущность феномена прецедентности, выделить и описать основные формы функционирования прецедентных текстов в художественном тексте;
- выделить и охарактеризовать основные типы прецедентных феноменов, способы их хранения в языковом сознании и их роль в активизации структур

знаний различного характера;

- разработать типологию прецедентных текстов и описать наиболее продуктивные типы источников прецедентности;
- рассмотреть функционирование таких видов прецедентных текстов как прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация в художественном тексте;
- провести классификацию типов прецедентных имён, прецедентных высказываний и рассмотреть особенности их функционирования в художественном тексте.

Объектом исследования являются языковые единицы, репрезентирующие прецедентный текст в художественном тексте. **Предмет** исследования – особенности функционирования прецедентных текстов в художественном тексте и их роль в активизации структур знаний различного характера.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к трактовке прецедентности в английской лингвокультуре, в результате которого появилась возможность:

- создать типологию и описать наиболее продуктивные типы источников прецедентности;
- классифицировать прецедентные имена и прецедентные высказывания и выявить особенности их функционирования в художественном тексте;
- выявить и анализировать языковых средств выражения интертекстуальности на уровне художественного текста;

В качестве инструментов исследования в работе использовались следующие **методы и методики**: описательный метод, включающий наблюдение, сопоставление и обобщение, сбор фактического материала и его классификацию; метод семантического анализа для определения семантики исследуемых языковых единиц; интертекстуальный анализ, основанный на выявлении межтекстовых отношений; элементы количественного метода,

применяемого для определения степени прецедентной плотности текста; интерпретативный анализ, позволяющий провести интерпретацию исследуемого текста.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили теории, связанные с системно-деятельностным подходом к языку (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня), а также труды отечественных и зарубежных ученых в области теории интертекстуальности и лингвистики текста Ю. Кристевой, Ж. Деррида, Р. Барта, И.П. Ильина, Н.А. Фатеевой, Н.А. Кузьминой, Н.В. Семеновой, М.Ю. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, Б.В. Томашевского, И.П. Смирнова, В. Руднева, А.К. Жолковского, В.Е. Хализева, И.С. Скоропановой, М. Ямпольского; В. Г. Чернявской.

Материалом исследования послужил широкий спектр художественных текстов англоязычных авторов преимущественно 19-20 веков (Д.Г.Лоренса, О.Уайльда, У.С.Моэма, Дж.Фаулза, С. Шелдона, Ш. Бронте и др.), а также корпус английских фразеологических единиц, паремий, крылатых выражений, цитат и аллюзивных конструкций.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении прецедентного фонда английской лингвокультуры, в исследованиях, посвященных разработке типологии прецедентных текстов, а также в исследованиях, посвященных изучению репрезентации знаний в языке посредством использования различных языковых единиц, активизирующих прецедентный текст в художественном тексте.

Практическая ценность выполненного исследования состоит в возможности совершенствования методики преподавания английского языка в средних и высших учебных заведениях в плане формирования лингвокультурной компетенции. Материалы исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по стилистике английского языка, спецкурсов по лингвистике текста, лингвокультурологии, зарубежной

литературе, а также филологическому анализу текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для разработки типологии прецедентных текстов англоязычного дискурса уместно применение типологии, основанной на выделении в качестве существенного признака наличие текста-источника.
2. Наибольшее количество признаков устойчивости свойственно прецедентным единицам из корпусов античных мифологизмов и библеизмов. Знаки прецедентных текстов, выделенные из произведений Шекспира, сохраняют лингвокультурную устойчивость благодаря культурной актуальности созданной автором языковой картины мира, а также языковой личности автора. Подавляющее большинство знаков прецедентных текстов медийного происхождения представляет собой короткоживущую комбинацию звуковых, портретных и лингвистических кодов.
3. Ведущим принципом функционирования прецедентных текстов является аллюзивность. Использование аллюзивных антропонимов, топонимов, цитат, фразеологических единиц являются показателем прецедентности.
4. Прецедентные тексты участвуют в построении подтекста произведения и в выделении смысловых вех произведения, когда они используются в качестве ключевых слов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры Лингвистики и английской литературы и рекомендована к защите. Основные положения диссертации излагались на научно-практических конференциях: «Хозирги замон тилшунослигида когнитив лингвомаданиятшунослик ва гендер тилшунослиги йуналишларига доир масалалар», 2013, и «Замонавий тилшунослик, адабиётшунослик ва хорижий тиллар укитишнинг муаммолари», 2014.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, а также заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ: ИСТОКИ, КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Проблемы прецедентности тесно переплетены с теорией интертекстуальности, т.е. «включения в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд, 1999:351].

Как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении не существует четкого определения интертекстуальности. Обозначились два подхода к изучению данного явления: широкий и узкий.

В широком плане исследования интертекстуальности развивались в основном представителями литературоведческого деконструктивизма (Ю.Кристева, Р.Барт, Ж.Деррида). Сам термин «интертекстуальность» был введен в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой и употреблялся как основной литературоведческий термин при анализе художественных произведений постмодернизма. С литературоведческих позиций, интертекстуальность понимается как универсальное свойство текста (текстуальности) вообще. Этот подход предполагает рассмотрение всякого текста как интертекста. В соответствии с таким пониманием, пред текстом каждого отдельного произведения являются все конкретные предшествующие тексты и лежащие в их основе общие коды и смысловые системы.

Более узко рассматривается интертекстуальность в лингвистике (И.В.Арнольд, Е.В.Михайлова). Традиционным взглядом на интертекстуальность является интерпретативный подход, который включает в себя исследование межтекстовых связей, выявление их интегрирующей или разрушительной функции в тексте через рассмотрение оппозиции текст-контекст [Михайлова, 1999:35]. Межтекстовое взаимодействие

рассматривается как присутствие в одном тексте части другого текста в форме аллюзий, цитат, ссылок, косвенной или пересказанной речи.

Е.В.Михайлова рассмотрела термин интертекстуальность как категорию текста. Интертекстуальность в ее понимании представляет собой многомерную связь отдельного текста с другими текстами по линиям содержания, жанрово-стилистических особенностей, структуры, формально-знакового выражения, является системообразующей категорией дискурса. [Михайлова 1999:2].

Концепция интертекстуальности естественным образом соприкасается с проблематикой прецедентности, поскольку в обоих случаях речь идет об единицах, отсылающих к явлению, которое осознается как артефакт и принадлежит контексту, находящемуся за пределами данного текста [Дымарский, 2004:55].

Как отмечает У. Эко, восприятие текста зависит от энциклопедии читателя, т. е. его понятийного мира (Эко, 2007: 380–386), его знаний о мире, сформировавшихся на основе определенного языка в определенном культурном пространстве (Денисова, 2003:144). В энциклопедии читателя присутствуют различные тексты, ставшие прецедентными. Слово прецедент (< лат. praecedens "предшествующий") обозначает случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода [БЭС:957].

Понятие «прецедентный текст» введено в языкознание Ю.Н.Карауловым и означает «тексты (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [Караулов 1987:216]. Другими словами, прецедентность определяется как известность, хрестоматийность, востребованность текста

как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами (Караулов, 1987:216).

Понятие прецедентных текстов Ю.Н.Караулова получило дальнейшее развитие в работах В.Г.Костомарова, Н.Д.Бурвиковой, Г.Г.Слышкина, О.А.Дмитриевой и других ученых. Отметим, что исследователи этого явления выделяют в качестве основных различные аспекты прецедентных текстов. Так, В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвикова определяют прецедентные тексты, как имеющие историко-культурную, страноведческую ценность [Костомаров, Бурвикова 1994: 73], подчеркивая тем самым ценностный аспект функционирования прецедентных текстов в рамках определенной культуры. Прецедентные тексты, несомненно обладают аксиологической значимостью и являются компонентом культурной грамотности, и, следовательно, знание их необходимо для успешного осуществления коммуникации как межкультурной, так и внутри одной культуры. Как отмечает Караулов Ю.Н. «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и её культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 1987: 216]. Развивая точку зрения Ю.Н. Караулова, А.А. Евтюгина пишет, что "прецедентный текст является минимальным культурным знаком, выполняющим специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду" [Евтюгина, 1995].

Ю.А.Сорокин указывает на когнитивную значимость прецедентных текстов, которые являются культурно-аксиологическими знаками и представляют собой целостное, связное, законченное в смысловом и формальном отношении эмотивное образование [Сорокин et al. 1997: 24]. Ю.Е. Прохоров подчёркивает, что если прецедентный текст входит в прагматикон (совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей) личности, то его использование в речи связано с лингво-

когнитивным уровнем, то есть системой знаний о мире и образе мира, которые реализуются в данной лингвокультуре. Реализация когнитивной функции языка происходит в процессе его функционирования путём передачи через язык текстовой информации о накопленных данной культурой сведений об окружающем мире [Прохоров 2003:152].

М.П. Панина, исследуя прецедентные тексты в аспекте создания комического эффекта, рассматривает прецедентный текст как языковую стереотипную ситуацию, отсылка к которой обеспечивает в комическом тексте стереотипную установку у воспринимающего, нарушаемую в последний момент игровой вариацией на тему, развиваемую в прецедентном тексте [Панина, 1996:19]. В стилистическом энциклопедическом словаре, прецедентные тексты понимаются как "готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации" [Баженова, 2006:107].

Г. Г. Слышкин понимает прецедентные тексты шире, сняв некоторые ограничения, выделенные Ю.Н. Карауловым. Во-первых, по мнению Г.Г. Слышкина, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей - для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы). Во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только не известны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (рекламный ролик, анекдот). Исследователь указывает, что прецедентные тексты являются основной единицей текстовой концептосферы и любой прецедентный текст обязательно формирует концепт. [Слышкин 1999: 6]. Е.А. Земская считает, что прецедентными могут быть тексты, включённые в текст в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переименованном (квазицитация), поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах [Земская, 1996:105].

Таким образом, прецедентные тексты рассматриваются как любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентные тексты являются частью актуальных фоновых знаний и выявляются на пересечении интертекста произведения и актуальных фоновых знаний.

Как отмечает Караулов Ю.Н. существует три способа существования и обращения текстов: 1) натуральный способ, при котором текст в первоначальном виде доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии; 2) вторичный способ, предполагающий или трансформацию словесного текста в другой вид искусства (спектакль, оперу, балет, скульптуру, живопись, кино и т.д.), - или размышления по поводу исходного текста, представленные в статьях, рецензиях, исследованиях; 3) семиотический, точнее лингвосемиотический, способ, при котором обращение к прецедентному тексту происходит намёком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты. Автор считает, что если первые два способа характерны для любого текста, то семиотический способ существования является свойством только прецедентного текста.

Основными характеристиками прецедентных текстов по Ю.Н. Караулову являются хрестоматийность и общеизвестность. Это обусловлено тем, что прецедентный текст не является достоянием отдельной личности, а является представителем общих фоновых знаний автора и читателя. С точки зрения И.С. Христенко, подобные знания могут представлять собой определенный культурный контекст эпохи. В этом случае знание прецедентных текстов служит в качестве показателя принадлежности участников коммуникации к данной эпохе, ее культуре, истории, искусству. Незнание же, наоборот, свидетельствует об отторженности человека от

соответствующей культуры [Караулов 2002:216]. В.Я. Мыркин считает, что понимание смысла высказывания, то есть актуализация языковых единиц, возможна в условиях включенности как автора, так и читателя в «контекст культуры», под которым понимается «ситуация общего знания» [Мыркин 1976:92]. Без этого невозможно полноценное понимание смысла текста.

Данную характеристику прецедентного текста Ю.Н. Караулов также называет хрестоматийным характером, объединяющим читателя и автора общностью культурно-исторического контекста. Прецедентные тексты в таком случае носят открытый характер, доступны для оперирования, обмена информацией. Такие тексты не для узко ограниченной аудитории, а для всех, принадлежащих данной эпохе. Они обеспечивают преемственность в развитии культурных традиций, являются своеобразными сгустками знаний, в которых закреплён общечеловеческий опыт познания мира, включающий, помимо интеллектуального опыта, морально-нравственные ценности, эмоции и оценочность.

В качестве второй характеристики прецедентного текста, автор выделяет реинтерпретируемость (свойство перешагивать рамки словесного искусства, где исконно возникли и воплощаться в других видах искусств, становясь тем самым фактом культуры и получая интерпретацию у новых и новых поколений).

Третьей особенностью прецедентных текстов, выделяемой Ю.Н. Карауловым, является частотность и неоднократность обращения к ним в процессе дискурса. Прецедентный текст трактуется как своеобразный банк, содержащий потенциальную информацию, инвариант, который выражает сущностные характеристики действительности. Таким образом, прецедентные тексты должны использоваться в процессе коммуникации, в противном случае они могут забываться, отходить на периферию культуры и постепенно терять свои информативные, эстетические и эмоциональные характеристики.

Д.Б. Гудков в качестве сущностных характеристик прецедентных феноменов выделяет инвариантность, воспроизводимость, «персонифицированность», эталонность, аксиологическую маркированность [Гудков, 1999:6]. Аксиологическая маркированность выражается в закреплении за прецедентным феноменом определённой оценки по шкале «хорошо – плохо», тесно связана с эталонностью: прецедентные феномены выступают некими образцовыми примерами характеристик и/или поступков и диктуют модели того, что нужно/не нужно делать, то есть задают некоторую «парадигму поведения» представителей лингво-культурного сообщества [Гудков, 1999; 2003].

Исследователи (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Д.В. Багаева, И.В. Захаренко) также считают, что прецедентные тексты должны обладать следующими характеристиками:

- 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества;
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных 2002:44].

В работах названных учёных отмечается, что прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными (вербализуемыми): к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речевой деятельности, ко вторым - произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения.

Человек является одновременно индивидуальной и коллективной языковой личностью, принадлежа к определенной социальной группе. Таким образом, в его сознании содержатся индивидуальные, социально-групповые и национально-культурные смыслы, закреплённые в языке, особенностях поведения, моральных нормах и убеждениях индивида.

Исходя из этого, В.В. Красных делит прецедентные феномены по степени

известности на:

1. "универсально - прецедентные, известные любому современному индивиду;
2. социумно-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума; национально - прецедентные, которые известны любому представителю определенного лингвокультурного сообщества" [Красных, 1997:164].

Н.А. Кузьмина противопоставляет две группы текстов. К первой из них относятся "сильные тексты", которые "испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений" (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Во вторую группу входят "ключевые тексты текущего момента", обращение к которым чрезвычайно активно в очень короткое время (реклама, шлягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т.п.) [Кузьмина, 2004:86].

Прецедентные тексты входят в число «сильных» текстов. Г. В. Денисова определяет «сильные» как «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» (Денисова, 2003:128). По мнению Н. А. Кузьминой, которая рассматривает межтекстовое взаимодействие с точки зрения энергообмена между текстами, «сильные» тексты обладают большой энергоемкостью (Кузьмина, 2004:51–53) «Сильные» тексты обладают высоким интертекстуальным потенциалом, переходя в виде цитат и аллюзий в другие вербальные и невербальные тексты, не ограничиваясь только художественным дискурсом, но проникая и в другие дискурсы: научный, медийный, устный фольклорный, устный повседневный.

Критериями отнесения того или иного текста к «сильному» или «слабому» являются: частое обращение к тексту в современных художественных произведениях; реинтерпретируемость текста, т. е. его воплощение в отличных от литературы видах искусств (опере, балете,

ки-нофильмах, живописи) (Караулов, 1987: 217; Кузьмина, 2004: 51); использование текста не только в художественном, но и других дискурсах. Кроме того, одним из критериев прецедентности текста является факт его узнавания (а не только употребления) в речевой коммуникации (Слышкин, 1999).

Таким образом, прецедентные тексты рассматриваются как любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентные тексты являются частью актуальных фоновых знаний и выявляются на пересечении интертекста произведения и актуальных фоновых знаний.

Принимая во внимание все вышеизложенные определения, в данной работе мы используем термин «прецедентный текст» в значении предшествующий текст-оригинал, который посредством механизма интертекстуальности вводится в текст-реципиент. Для обозначения отрывка принимающего текста, в котором представлен прецедентный текст, в нашей работе, используется термин «интертекст». Рассматривая интертекст как множество "внешних" текстов, с которыми связан принимающий текст, нужно принять тот факт, что интертекст связан ассоциативными связями и с "внешним", и с "принимающим" текстом, являясь частью и того, и другого. Понимание интертекстуальных включений зависит от культурной компетенции читателя, при отсутствии необходимого знания он остается незамеченным.

1.2. ФОРМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

В вопросе о том, что считать формами функционирования прецедентного текста, у лингвистов не наблюдается больших разногласий. Учитывая результаты исследований, логично выделить следующие основные

формы, основанные на механизме аллюзии: фразеологические единицы, паремии, цитаты, крылатые слова, детские стихи, загадки и считалки, песни, кино- и телетексты.

Перед тем как начать описание аллюзивной фразеологической единицы в качестве одной из форм функционирования прецедентного текста, необходимо определить, что понимается под фразеологической единицей в контексте нашей диссертации и какие фразеологические единицы в полной мере соответствуют требованиям прецедентности. Учитывая существование различных точек зрения в отношении объема фразеологического состава языка, мы полагаем, что узкое понимание фразеологии как системы идиом, то есть «раздельнооформленных единиц языка с полностью или частично переосмысленными значениями» [Кунин, 1996: 7], позволит провести четкую границу между формами функционирования прецедентных текстов. По мнению В.И. Карасика, фразеологические единицы относятся к числу ярких социолингвистических индексов языковой личности и в прагматическом смысле используются как в личностно-ориентированном, так и в статусно-ориентированном общении, обеспечивая клишированность дискурса [Карасик, 2002:17].

По справедливому утверждению Дж. Лакоффа, «точно так же, как существуют заметные различия между говорящими в отношении деталей грамматических правил и очень большие различия в словаре, существуют и различия в образах, ассоциируемых с идиомами» [Лакофф 2004: 582]. Существование таких идиом, чей образный смысл непонятен или не вполне понятен для определенной части говорящих, обуславливает необходимость их исследования в рамках антропологической парадигмы, поскольку, как утверждает В.Н. Телия, во фразеологическом составе языка запрограммировано участие языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры [Телия, 1996: 9].

Соотнесение языковой семантики с кодами культуры выделено в самостоятельное направление исследований. Так, лингвострановедческая теория языка, разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, базируется на изучении кумулятивной функции языка, состоящей в накоплении и сохранении экстралингвистической информации в виде фоновых знаний.

Г.Д. Томахин поясняет, что фоновые знания в широкой трактовке — это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения [Томахин, 1980].

Опираясь на эту теорию, В.М. Савицкий выделил группу фразеологизмов, получившую наименование фабульных, то есть способных активировать в сознании коммуникантов фоновую фабулу. Под фоновой фабулой упомянутый автор подразумевает «тексты, которые входят в коллективный тезаурус определенной этнокультуры или культурного региона и служат гносеологическим фоном речевого общения» [Савицкий 1993:75].

Сюда относятся «широко известные фольклорные и литературные повествования (мифы, сказки, притчи, басни, анекдоты, сакральные тексты, популярные произведения художественной литературы и т.д.). Эти тексты возникают на национальной почве, либо заимствуются из другой этнокультуры, либо функционируют в масштабе большого культурного региона - например, тексты Библии и античной мифологии в культурах европейской ориентации» [Савицкий 1993: там же].

Анализируя семантическую структуру такого рода фразеологизмов, В.М. Савицкий приходит к выводу, что они различаются по степени релевантности фабулы, а именно:

- ФЕ с иррелевантной фабулой, или факультативно-фабульные, чьи лексические компоненты обладают самостоятельными переносными значениями, а образная мотивация понятна и без знания фабулы (*to cast the*

first stone, the hub of the Universe);

- ФЕ с высокорелевантной фабулой, или облигаторно-фабульные, характеризующиеся прямой зависимостью образной мотивации от степени известности фоновой фабулы (*Pandora's box, Mahomet and the mountain*);
- Промежуточная группа - ФЕ с низкорелевантной фабулой, у членов которой фразеологическое значение воспроизводится в основном, но образная мотивация не до конца понятна без знания фабулы (*to cut the Gordian knot, to worship the golden calf*).

Такие фразеологические единицы можно рассматривать как аллюзии к фоновым фабулам; сами же фоновые фабулы, редуцируясь в плане выражения, выполняют функцию знаков тех или иных ситуаций.

Отвечая на вопрос о происхождении таких единиц, необходимо признать, что существует немало исследований, доказывающих огромное влияние Библии на развитие английской фразеологии: А.В. Кунин "Английская фразеология", J. Gardiner "The Bible as English Literature", А. С. Partridge "English Biblical Translation", А. N. Lass, D. B. Ciremidjan, R. M. Goldstein "The Dictionary of Classical, Biblical and Literary Allusions" и др. Анализ функционирования библейских выражений в англоязычной прозе представлен в работе Л.В. Полубиченко и Е.В. Кузнецовой [Полубиченко, Кузнецова 1987: № 6]. Корпус библейских выражений, содержащих имена собственные, рассматриваются Е.Н. Бетехтиной [Бетехтина 1999]. Проблема классификации библеизмов детально освещена в трудах Э.М. Солодухо [Солодухо 1982.], Ю.А. Гвоздарева, Гвоздарёв 1991], С.Т. Шулежковой [Шулежкова 2001].

Традиционно выделяются следующие классы библейских выражений (цит. по: Е.Н. Бетехтина):

- 1) выражения, выступающие в качестве устойчивых сочетаний уже в тексте Библии (*salt of the earth, to cast pearls before swine*);
- 2) выражения, возникшие в результате переосмысления свободных

словосочетаний Библии (*daily bread, the root of the evil*);

3) выражения, не представленные в Библии данным лексическим составом и возникшие позднее на основе библейского образа или сюжета (*Adam's profession, Noah's Ark*).

Однако, наряду с этими разрядами, Ю.А. Гвоздарев [Гвоздарев, 2003] выделяет и четвертый класс библейских выражений: обороты, детерминированные общим содержанием Библии: конец света, до второго пришествия. Сюда же он относит и образования, созданные писателями, но опирающиеся на библейские сюжеты (например, выражение *The road to hell is paved with good intentions*, созданное английским писателем Б. Джонсоном).

Опираясь на утверждение Г.Г. Слышкина о том, что тексты Священного писания являются прецедентными по отношению к самому понятию о прецедентных текстах [Слышкин, 2000], мы предприняли попытку проанализировать такие фразеологизмы по степени их фабульности, используя предложенную В.М. Савицким классификацию, которая представляется особенно эффективной для решения рассматриваемого вопроса в отношении библеизмов.

Другим важным источником интерпретации прецедентных текстов, функционирующих в форме фабульных фразеологических единиц, является античная и национальная мифология. Под античной мифологией подразумевается преимущественно мифология древнегреческая, рано усвоенная и приспособленная к своим верованиям древними римлянами. Со времени оформления римской литературы как письменной (в середине III века до н.э.) произошло почти полное слияние римских богов с греческими. Под национальными мифологиями мы понимаем мифологии древних кельтов и германо-скандинавских племен, которые, в достаточной мере поддаваясь интерпретации, тем не менее, определяются Р.Уиллисом как «культурные и этнические аспекты» [Уиллис, 1999:6]. Само понятие мифологии было введено примерно в 400 году до н. э. Платоном для отделения вымышленных

описаний божественных поступков от фактического изложения событий реальных или сверхъестественных. Самые ранние памятники древнегреческой литературы, основанные целиком на мифологическом материале, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, возникли около VIII века до н. э. В течение последующих веков этот материал подвергался бесчисленным трактовкам, оформившись в культурно-исторический фундамент мировоззрения современного человека.

Как утверждает А. Котерелл, в мифах древних греков, римлян, кельтов и германо-скандинавских племен заложены все ключевые аспекты бытия: любовь, цикл воспроизводства, конфликт старого и нового, тяжесть болезни, таинство смерти, стремление познать неизведанное, природа предательства, ужас сумасшествия и разрушения человеческих отношений, внезапность несчастья и удачи, связь земного и небесного, гипотезы сотворения мира и происхождения общества [Котерелл, 1996: 6].

Необходимо отметить неоднозначный подход к оценке роли античной и национальных мифологий у разных исследователей. Так, в своей книге "The Inner Reaches of Outer Space" Дж. Кемпбелл рассматривает позицию немецкого антрополога XIX века А. Бастиана, которому принадлежит первый сравнительный мифологический анализ, четко разграничивший местное выражение темы и то, что он назвал элементарными, или фундаментальными идеями. Последние, по его мнению, являются биологическими особенностями, гфисущими всем людям.

Не все исследователи выделяют фразеологизмы античного происхождения в отдельную группу. Так, А.В. Кунин рассматривает их в разделе фразеологических единиц, заимствованных из различных языков. Нам представляется оправданным произвести выделение античной группы в отношении конструкций, маркированных ономастическим компонентом, что является сигналом определенного кода, намек, аллюзии, ссылки к сюжету: *Achilles' heel, between Scylla and Charybdis, Platonic love, a Lucullian feast.*

Термин пословично-афористическое речение предполагает, распространение его на два разряда единиц: пословицы и афоризмы. Пословица — это разряд паремий, обладающих образной мотивировкой значения. Отличительными признаками пословицы являются краткость структуры, устойчивость в речевом обиходе, ритмическая организованность и назидательный характер в плане содержания [Пермяков, 1988:13-33].

В отличие от пословицы, афоризм (изречение, в лаконичной форме выражающее обобщенную, законченную мысль) обладает прямой мотивировкой значения [Черкасский 1978:61]; ему не свойственна переосмысленность, характерная для пословицы; все его компоненты, или их большинство выступают в своих прямых значениях.

Тематика нашей работы ограничивает круг рассматриваемых паремий, так как в силу своего происхождения не все они являются носителями прецедентности. Некоторые исследователи вообще не придают паремиям статус прецедентных текстов. Так, например, В.Н. Телия относит к прецедентным текстам только крылатые выражения и сентенции [Телия 1996: 238]. Нам трудно согласиться с этой точкой зрения, так как она противоречит одной из теоретических основ нашей работы - утверждению Г.Г. Слышкина о том, что тексты Священного писания являются прецедентными текстами по отношению к самому понятию о прецедентных текстах. Поскольку значительное количество паремиологических единиц, рассматриваемых в нашей работе, происходит из Священного писания, то есть Библии, нам представляется оправданным отнести к прецедентным текстам паремиологические единицы, обладающие «связью с источником» [Бетехтина, 1999: 7]. Например:

There's no leaping from Delilah's lap into Abraham's bosom (the Gospel of Luke 16, 25);

Thou hast conquered, the Galilean!

When Adam delved and Eve span, who was then the gentleman?

Однако следует отметить, что прецедентные паремии библейского происхождения немногочисленны. В.М. Мокиенко объясняет этот факт тем, что процесс образования библейских выражений не укладывается в известную схему А.А. Потебни «басня - пословица - фразеологизм», при этом переход басни во фразеологизм происходит настолько быстро, что «пословичный» этап становится излишним [Мокиенко, 1989:116; Потебня, 1984:111].

Использование в качестве прецедентных текстов детских стихов, считалок и рифмовок объясняется их общеизвестностью и, следовательно, легкостью декодирования:

Humpty-Dumpty sat on a wall; Old Mother Hubbard went to the cupboard; Simple Simon met a pieman; Wynken, Blynken and Nod; Little Jack Homer sat in a comer; the butcher, the baker, the candlestick-maker.

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров употребления подобных прецедентных текстов в художественной литературе:

*We should not bang on about Gascoigne throwing it away because in our hearts we always knew that this was a footballer as fragile as **Humpty Dumpty** with a bout of vertigo* (P. Weaver. The Guardian. 1998).

*I stepped over an'looked down the other rows. They were bare as **Mama Hubbard's cubbard*** (Ch.Himes. Let Me at the Enemy - an "George Brown". 1944).

*If wealth, not rank, had been prime object in your thoughts, why not have taken the **butcher's son, the boy o' or the baker candlestick maker?*** (R.Browning. The Ring and the Book).

В работе О.А.Леонтович "В мире английских имен" [Леонтович 2002: 35] приводятся в пример популярные в Англии аллитерирующие либо рифмованные, редуплицированные прозвища-дразнилки, вторая часть которых зачастую представляет собой псевдо слово: *Georgie-Porgie, Peter Pumpkin-Eater, Lanky-Panku* и др.

Новые формы обмена информацией в современном обществе обуславливают выдвижение на первый план массовой культуры как источника и поставщика прецедентных текстов. В.П. Руднев утверждает, что массовой культуре свойственна ориентация на среднюю языковую семантическую норму и на простую прагматику по причине обращения к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории [Руднев, 1999:156]. Печатные и электронные средства массовой информации, телевидение, реклама и кинематограф настолько глубоко проникают в массовое сознание, что продуцируют интертексты (там же, стр. 158). Ю.Б. Пикулева, проведя статистический анализ появления в рекламе прецедентных феноменов из разных культурных сфер, определила следующую их частотность в порядке убывания [Пикулева, 2002: №24]:

кинематограф;
эстрада, театр, цирк;
художественная литература;
фразеология и афористика;
обычаи, традиции, быт;
всемирная история и политика;
фольклор;
телевидение и радио;
искусство;
спорт;
классическая музыка;
наука;
религия;
мода;
мифология.

Доминирование кинематографа в этом списке не случайно, так как он стал одним из главных объектов культурной действительности. Не случайно на «культурную экспансию кинотекста» обратил внимание Г.Г. Слышкин.

Концепты киномиров усваиваются сознанием массового потребителя, присутствие кинотекстов в дискурсе современника становится устойчивым явлением. Чаще всего прецедентные тексты отсылают к культовым произведениям, чья широкая известность и проверка временем обеспечивает концептуализацию прецедентного феномена. Такова, например, знаменитая самопрезентация героя серии фильмов, поставленных по авантурным романам Я. Флеминга и К. Эмиса, шпиона-супермена Джеймса Бонда: "*My name is Bond. James Bond*". Обязательно повторяясь в каждом новом фильме об агенте 007, эта крылатая фраза стала востребованной, как и сам концепт "James Bond".

Герои Арнольда Шварценеггера из фильмов "The Terminator" и "The Running Man" ввели в речевой обиход ныне крылатую фразу – "*I'll be back*". Фраза, произнесенная героем Клинта Иствуда в фильме "Sudden Impact" (1983), - "*Come on, make my day*" - означала вызов противника на поединок. В 1985 году президент США Р.Рейган использовал это высказывание в полемике со сторонниками увеличения налогов: "*And I have only one thing to say to the tax increases. Go ahead - make my day.*" Устойчивость этого выражения подтверждена фактом его фиксации в словаре [Allen 2006: 203] и может быть проиллюстрирована примером:

I wish you could see those first two lepidopteral visitors. They made my day (Gardener's World. 1991).

Аналогичный подход применим к анализу песен. Статус прецедентности давно закреплен за такими фразами, как: *All you need is love*; *Happy birthday to you*; *We are the champions*; *The show must go on*.

Подводя итог всему сказанному в этом параграфе, следует отметить, что объект нашего исследования - фразеологизмы, паремии, крылатые слова и цитаты - активируют в сознании реципиента хранящиеся в его памяти сюжеты прецедентных текстов. Входя в актуальную культуру народа, такого рода единицы обязательно что-нибудь символизируют, приобретая таким образом черты знака и переходя из сферы содержания в область кода.

Поэтому они называются знаками прецедентных текстов. При этом формы функционирования знаков прецедентных текстов обусловлены сценарием дискурса, в рамках которого происходит их воспроизведение и восприятие.

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В настоящее время проблема прецедентного текста находится в центре внимания большого числа отечественных и зарубежных лингвистов. Под прецедентным текстом понимается любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентные тексты являются частью актуальных фоновых знаний и выявляются на пересечении интертекста произведения и актуальных фоновых знаний.

Проблематика прецедентного текста естественным образом соприкасается с концепцией интертекстуальности. При всём многообразии концепций интертекстуальности в определениях учёных можно выделить ряд инвариантных признаков, которые сводятся к следующему: интертекстуальность – присутствие в тексте других текстов или их элементов; многомерная связь текстов, которая включает тексты в сферу культуры.

Основными характеристиками прецедентных текстов являются хрестоматийность, общеизвестность, частотность и неоднократность обращения к ним, реинтерпретируемость, инвариантность, воспроизводимость, персонифицированность, эталонность, аксиологическую маркированность.

Прецедентные тексты обладают большой аксиологической значимостью и являются компонентом культурной грамотности, и, следовательно, знание их необходимо для успешного осуществления коммуникации как межкультурной, так и внутри одной культуры. Это

обусловлено тем, что прецедентный текст не является достоянием отдельной личности, а является представителем общих фоновых знаний автора и читателя. Подобные знания могут представлять собой определенный культурный контекст эпохи. В этом случае знание прецедентных текстов служит в качестве показателя принадлежности участников коммуникации к данной эпохе, ее культуре, истории, искусству. Незнание же, наоборот, свидетельствует об отторженности человека от соответствующей культуры.

Основными формами функционирования прецедентных текстов являются формы, основанные на механизме аллюзии: фразеологические единицы, паремии, цитаты, крылатые слова, детские стихи, загадки и считалки, песни, кино- и телетексты.

Наиболее используемыми в этом ряду являются фразеологические единицы библейского, мифологического и литературного происхождения. Эти тексты возникают на национальной почве, либо заимствуются из другой этнокультуры, либо функционируют в масштабе большого культурного региона - например, тексты Библии и античной мифологии в культурах европейской ориентации. Как показал анализ языковых единиц, наиболее частотными аллюзивными фразеологическими единицами являются ФЕ, маркированные ономастическим компонентом (антропоним, топоним, зооним, мифоним и др.), что является сигналом определенного кода, намека, аллюзии, ссылки к сюжету: *Achilles' heel, between Scylla and Charybdis, Pandora's box, Cain's brand, to worship the golden calf, Sodom and Gomorrah.*

Использование в качестве прецедентных текстов детских стихов, считалок и рифмовок, песен объясняется их общеизвестностью и, следовательно, легкостью декодирования. Новые формы обмена информацией в современном обществе обуславливают также выдвижение на первый план массовой культуры как источника и поставщика прецедентных текстов.

Фразеологизмы, паремии, крылатые слова и цитаты - активизируют в сознании реципиента хранящиеся в его памяти сюжеты прецедентных

текстов. Входя в актуальную культуру народа, такого рода единицы обязательно что-нибудь символизируют, приобретая таким образом черты знака и переходя из сферы содержания в область кода. Поэтому они называются знаками прецедентных текстов. При этом формы функционирования знаков прецедентных текстов обусловлены сценарием дискурса, в рамках которого происходит их воспроизведение и восприятие.

ГЛАВА II. ТИПОЛОГИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

2.1. АЛЛЮЗИЯ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ ВВЕДЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА

Прецедентный текст вводится в текст-реципиент на основе механизма интертекстуальности, т.е. с помощью различных отсылок к ранее созданным текстам. Эти отсылки существуют в виде различных цитат, аллюзий, реминисценций и т.д. В лингвистической литературе используется ряд терминов для обозначения этих явлений: текстовые реминисценции (А.Е.Супрун, З.Г.Минц), текстовые преобразования (Ю.Н.Караулов), аллюзивные цитаты (А.Г.Мамаева), скрытые цитаты (К.П.Сидоренко, В.П.Андросенко), квазицитация (Е.А.Земская) и т.д.

Многообразие терминов, предложенных исследователями для обозначения переплетения "своей" и "чужой" речи, явной и имплицитной, говорит, во-первых, о том, что пока не существует единой терминологии для описания этих явлений. Во-вторых, сами явления включения "чужой речи" в текст принимают разнообразные формы, и границы между ними не всегда могут быть четко проведены.

Ю.Н. Караулов считает, что прецедентный текст вводится посредством 1) имени автора или персонажа; 2) заглавия и 3) цитаты. Автор отмечает, что при восприятии имени персонажа актуализируется, так или иначе, весь прецедентный текст. Упомянутые выше способы ввода прецедентного текста Ю.Н. Караулов соотносит со следующими типами:

- а) типовые структурные схемы предложений, или «паттерны»;
- б) генерализированные высказывания, отражающие основные узлы и особенности устройства индивидуальной и соответствующей социальной картины мира;
- в) знаки, символы, намеки, фактически приравнивающие текст к слову.

Анализируя современную русскоязычную художественную прозу, Ю.Н. Караулов производит оценку обращения того или иного персонажа к прецедентным текстам, классифицирует тексты, введенные в дискурс героя, и определяет их типологию.

На основании полученных данных прецедентные тексты характеризуются как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки — стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, которые используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из "фактического" контекста мысли в "ментальный", а, возможно, и обратно» [Караулов, 1987: 218-235].

Арнольд И.В. считает, что сигналами интертекстуальности и следовательно средствами ввода прецедентного текста, являются следующие:

1. *цитата* как включение в текст произведения других текстов других авторов от повтора на уровне фразы до сюжетного варьирования;
2. *реминисценция* как воспроизведение знакомой фразовой, образной или ритмико-синтаксической структуры из другого произведения;
3. *аллюзия* как некоторая референция непосредственно к миру и его реалиям, то есть как компактную текстовую единицу второго плана, несущую информацию о предшествующем тексте, событии или факте путем упоминания какого-нибудь известного топонима, антропонима, исторической даты;
4. *внутренняя* интертекстуальность – включение в произведение вставных элементов (письма, дневники, литературные произведения героев), смена субъекта речи в которых является фиктивной, то есть, вставные элементы написаны самим автором произведения; подвидом внутренней интертекстуальности является кодовая интертекстуальность, под которой понимаются включения иностилевой специфической лексики, грамматических форм, характерных для тех или иных функциональных стилей, а также включения слов и фраз на иностранных языках.
5. синкретическая интертекстуальность – соотнесенность текста с нетекстовым источником, которым является классическое искусство, это, прежде всего,

живопись, архитектура, музыка. (Арнольд, 1999).

Д.Н. Медриш различает такие разновидности вкраплений «чужого текста», как цитация (цитата в широком смысле), которая включает аллюзию, перифраз, реминисценцию и собственно цитату.

Наиболее очевидным и хорошо изученным, особенно в стиле научной литературы, средством интертекстуальности является цитата. Цитата в узком понимании трактуется как точное воспроизведение в новом контексте текста-источника при обязательной графической отмеченности последнего. С. Моравски указывает в качестве основного признака цитаты ее дословность, при этом цитата должна быть легко отделима от принимающего текста, то есть реципиент не должен испытывать никаких затруднений в выделении интертекстуального включения – цитаты. Вслед за С. Моравски М.И. Булах выделяет дискретность и дословность как основные характеристики цитаты и дает свое определение: "цитата — семантическое единство, буквально передающее чужое высказывание, и отличающееся дискретностью" [Булах 1978:116]. Дискретность, как указание на "чужесловность", может выражаться в графическом оформлении цитаты, что позволяет реципиенту (прежде всего читателю) легко отделить интертекстуальное включение от остального текста. К.Н.Даирова полагает, что цитата есть заимствование как формы, так и мысли и характеризуется законченностью и графической выделенностью [Даирова, 1983]. Таким образом, цитата, является наиболее эксплицитным маркером интертекстуальности.

Если представить цитату как один из двух полюсов интертекстуальных средств, обладающий всеми вышеуказанными признаками, то на другом полюсе расположится аллюзия, как самое имплицитное интертекстуальное средство. От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка предшествующего текста, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем только имплицитно.

Как отмечают многие исследователи, аллюзия является одной из ключевых интертекстуальных маркеров (Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро, М. Соловьёва, А. Дусабаева). Как отмечается в ряде словарей, аллюзия представляет собой «намек на общеизвестный литературный или исторический факт. Распространенной разновидностью аллюзии является намек на современные общественно-политические реалии в произведениях об историческом прошлом» (ЛЭС); стилистическую фигуру (от фр. *allusion* намек, лат. *alludere* подшучивать, намекать), заключающуюся в соотношении описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка [Словарь иностранных слов, 1989: 28]; «намек на историческое событие, бытовой и литературный факт, предположительно известный читателю» (Поэтический словарь, 1966). Аллюзия является стилистическим приемом, отличающимся от собственно цитаты известностью, а также тем, что при использовании аллюзии известный «чужой текст» не приводится полностью, как в цитате, а автор предпочитает намекнуть об этом читателю. Кроме того, данный стилистический прием характеризуется тем, что автору важны не столько дословно воспроизведенные высказывания других авторов, сколько «условия бытования» этих слов [Медриш, 1973:109]. Имеются в виду ассоциации и семантическое «напряжение», порождаемое аллюзией, а также эмоциональное и оценочное отношение, вызванные использованием данного стилистического приема в тексте. Аллюзия способствует созданию многоплановости, полемичности и многоголосия. В аллюзии, пользуясь терминами М.М. Бахтина, имеет место двухнаправленность голосов – авторов имеющегося и прецедентного текстов. По словам Н.Д. Медриш, аллюзия, «сплавляя два компонента – свою и «чужую» речь, подчас выступает как своеобразный трансформатор, на входе которого одно семантическое «напряжение», а на выходе – другое» [Медриш, 1973:109].

В настоящее время, данное И.Р. Гальпериным определение аллюзии

стало классическим: allusion is an indirect reference, by word or phrase, to a historical, literary, mythological, biblical fact or to a fact of everyday life made in the course of speaking or writing [Гальперин 1981: 187]. В.В.Овсянников, беря за основу определение И.Р.Гальперина, указывает на существование прямых и косвенных аллюзий, при этом прямые аллюзии представляют собой упоминание имен и названий фактов (название литературного произведения, имя персонажа, прямое указание события и т.п.), а косвенные представляют собой включение текста в текст в виде цитаты (то есть использование отрезка "чужого" текста дословно или в измененном виде) [Овсянников, 1990:43]. Так называемые литературные аллюзии, таким образом, включают в себя упоминание названий произведений, имен персонажей, автора, событий и т.д., а также отрывки "чужого текста", то есть любые ссылки на созданный ранее текст.

А.Г.Мамаева использует синонимичный термин "аллюзивная цитата": 1) аллюзивная цитата вводится в текст без формальных маркеров; 2) модифицирует семантическое наполнение под влиянием нового контекста, чему способствует опущение или замена отдельных компонентов цитируемого отрезка; 3) образует тесное взаимодействие с контекстом, из которого она оказалась изъятой; 4) аллюзивная цитата в стиле художественной литературы характеризуется меньшей степенью известности, в отличие от крылатых выражений, широко распространенных в газетном стиле

Некоторые исследователи (В.Е. Хализев (2000)) считают, что основным видом интертекстуального включения являются реминисценции. Реминисценция (лат. *geminiscentia* – воспоминание) подразумевает знакомую конструкцию из другого художественного произведения. Реминисценция представляет собой «отблеск, отзвук иного текста в виде воспроизведения чужой фразовой, образной или ритмико-мелодической конструкции» [Медриш, 1973: 96]. Реминисценция понимается как «не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которое

наводит на воспоминания о другом произведении» [Введение в литературоведение 2000: 497]. Согласно точке зрения В.Е. Хализева «сфера реминисценций значительно шире области цитирования как такового» [Хализев, 2000: 254]. Аллюзия, с его точки зрения, является разновидностью реминисценций. В.Е. Хализев понимает под аллюзиями «легкие, порой едва приметные касания серьезных злободневных тем и тех мыслей, которые небезопасно держать открыто» [Хализев, 2000:272]. Автор отмечает сходство между аллюзиями и эзоповым языком, понимаемым как «особого рода тайнопись, уберегающую произведения (в основном сатирические) от цензурного запрета» [Там же]. Такая трактовка аллюзии приближается к пониманию данного стилистического приема как намека, разновидности эвфемизма, то есть фигуры слова. Данное понимание сущности аллюзии представляется ограниченным условными рамками употребления.

Некоторые исследователи предлагают выделить данные маркеры в общие категории и используют ряд терминов для обозначения этих явлений: текстовые реминисценции (А.Е.Супрун, З.Г.Минц), интертекстуальные средства [Цырендоржиева 1999], «литературная реминисценция» (Л.П. Дядечко), текстовые преобразования (Ю.Н.Караулов), аллюзивные цитаты (А.Г.Мамаева), скрытые цитаты (К.П.Сидоренко, В.П.Андросенко), квазичитация (Е.А.Земская) и т.д.

Предложенный А.Е.Супруном термин «текстовые реминисценции» – «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17]. Данный термин имеет широкое значение и объединяет в себе цитаты и литературные аллюзии. В.Е. Хализев (2000 г.) поддерживает использование этого понятия, т.к. по его мнению «сфера реминисценций значительно шире области цитирования как такового» [Хализев, 2000:254].

Ю.Н. Караулов предлагает в качестве обозначения такой категории понятие «текстовые преобразования» под которыми имеются ввиду

различные способы введения в дискурс готовых текстов, известных и говорящему, и слушающему [Караулов, 1988:108]. Ю.Н.Караулов выделяет четыре вида текстовых преобразований: название автора, название произведения, имя героя, цитата (в широком смысле). Отличием текстовых преобразований от текстовых реминисценций в том, что они обязательно являются осознанными и в этом смысле воспринимаются обязательно как внесения чужого текста. Термин "текстовые преобразования" охватывает все виды отсылок к прецедентным текстам.

Цырендоржиева выделяет в своих работах понятие «интертекстуальные средства», которое включает различные типы цитаты, аллюзию, реминисценцию и т.д. [Цырендоржиева, 1999:49].

В нашей работе для обозначения категории интертекстуальности мы вслед за Цырендоржиевой используем понятие «интертекстуальные средства/включения», т.к. данный термин отличается генерализующим характером и вбирает в себя все виды текстовых отсылок. Таким образом, приемы создания интертекстуальности включают в себя широкий спектр средств, которые мы объединим под одним термином "интертекстуальные средства". Характеристики и способы включения интертекстуальных средств во многом зависят от сферы их функционирования (научный дискурс, художественная литература) и замысла автора.

Следует отметить ещё одно свойство интертекстуальных включений прецедентного текста в художественном тексте, а именно способность выступать в качестве средств создания образности, что становится возможным благодаря двойственной природе этого приема. Механизм создания образности состоит в одновременной реализации буквального значения аллюзии и ее переосмысленного содержания в новом контексте [Мамаева 1977: 57]. Взаимодействие текста-источника и принимающего текста имеет двусторонний характер. Содержание произведения обогащается не только за его счет, но вследствие возникновения между двумя произведениями целого ряда дополнительных связей, аналогий, параллелей

или же, напротив, контрастов, противопоставлений, антитез [Машкова 1989: 49]. Понимание интертекстуальных включений основывается на сочетании их контекстов в данном тексте и в прототексте (исходном тексте) и требует от читателя узнавания и припоминания. И.В.Арнольд отмечает, что когда читатель уловит связи интертекстуальных включений с прототекстом, сравнение с исходным контекстом может дать экспрессивность контраста или иронии [Арнольд, 1993:8- 10].

Двойственный характер интертекстуальных средств является их типологической характеристикой, благодаря которой они могут выступать в качестве средств создания образности. Интертекстуальные средства вносят новый контекст в принимающий текст. В результате взаимодействия этих контекстов может создаваться экспрессивность контраста или иронии. Более того, интертекстуальная ссылка не просто содержит большой объем информации, как и любой другой знак, она имеет двойственную природу. Эта двойственность заключается, прежде всего, в том, что интертекстуальные включения могут рассматриваться и как часть принимающего текста (как однородные с ним), и как часть текста-источника (разнородные с принимающим текстом). И.В.Арнольд отмечает: "Интертекстуальность создает двойственность знака: он одновременно принадлежит и данному, и другому тексту, и разным "возможным мирам" [Арнольд, 1993:8].

Полагаем, что двусторонний характер интертекстуального процесса выражается в первую очередь в том, что интертекстуальные включения модифицируют не только содержание принимающего текста, что очевидно, но и заставляют переосмыслить контекст текста-источника. Аллюзия уже в новом контексте продолжает «тяготеть» к исходному тексту. В то же время в принимающем тексте она часто выполняет задачи не свойственные ей в исходном тексте. Таким образом, возникают «новые связи, которые позволяют увидеть старое с другой точки зрения» [Булах, 1978:119-121].

Следует подчеркнуть, что в нашей работе, мы используем термин

аллюзия. На наш взгляд, использование термина «реминисценция» относится в большей степени к области литературы. Что касается проблемы отличия цитаты аллюзии и цитаты, мы придерживаемся узкого понимания цитаты как точного воспроизведения в новом контексте текста-источника при обязательной графической отмеченности последнего. Аллюзия отличается от цитаты известностью, что способствует активации структур знаний в полной мере. При использовании аллюзии известный «чужой текст» не воспроизводится полностью, не содержит ссылку на автора или источник, не выделяется графически. В данном исследовании мы вслед за И.В. Арнольд, И.Р. Гальпериным, И.В. Гюббенет и др. рассматриваем аллюзию как стилистический прием [Арнольд 1993; Гальперин 1978; Гюббенет, Машкова 1989]. В таком понимании аллюзию можно трактовать как семиотически сложный объект, как знак, имеющий план выражения и содержания.

Аллюзия может быть выражена в художественном тексте разноуровневыми языковыми единицами: онимами (антропонимы, топонимы, теонимы, мифонимы), фразеологическими единицами, паремиями, цитатами, крылатыми словами библейского, мифологического, исторического, литературного происхождения, а также загадками и считалками, песнями, кино- и телетекстами.

2.2. ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

В целях характеристики объекта нашего исследования – прецедентных текстов англоязычной культуры – необходимо их типологизировать. Известно, что термин типология (от греческого *typos* - "отпечаток, форма, образец" и *logos* — "слово, учение") означает расчленение систем объектов и их группировку с помощью обобщенной модели, или типа. Типология применяется для сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объекта, при этом основные используемые логические формы - тип, классификация, систематика и таксономия [БЭС, 2004:1203].

Прецедентный текст является сложным образованием, которому присущи различные характеристики и признаки; поэтому необходимо определить основания для типологии. Как отмечает В.Г. Гак, «любое явление, типы существования которого исследуются, характеризуется многими свойствами, аспектами, объектами, объективно ему присущими, и различные типы могут быть выделены в отношении каждого из этих аспектов. Поэтому одну общую типологию для данного явления построить невозможно, она отразит лишь одну - быть может, одну из существенных, - но лишь одну сторону объекта. Первой задачей типологического анализа является, таким образом, установление "типологии типологий", то есть определение тех разнообразных типологических описаний, которые можно создать в отношении данного объекта и которые непосредственным образом вытекают из природы изучаемого явления, отражая его различные стороны» [Гак, 1998:310].

В целях релевантных нашему исследованию, определенный интерес представляет проведенная исследователями Д.Б. Гудковым, В.В. Красных, Д.В. Багаевой, И.В. Захаренко классификация прецедентных феноменов, которые подразделяются по мнению исследователей на собственно прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и

прецедентная ситуация.

Прецедентный текст определяется как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; в когнитивную базу входит инвариант его восприятия; обращение к ПТ многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы» [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997:64].

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера, афоризмы, пословицы, поговорки [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997: 65].

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с определёнными коннотациями, когда-либо бывшая в действительности или принадлежащая виртуальной реальности созданного человеком искусства; в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков ПС, означаящим ПС может быть прецедентное высказывание или прецедентное имя, а также не прецедентный феномен [Красных, 2002: 45].

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Hamlet, Othello*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (*Cain, Samson*) [Гудков, 2003: 108].

Следует подчеркнуть, что каждый народ отбирает только те прецедентные тексты, которые соответствуют его нравственным ценностям, мироощущению, мировосприятию и мировоззрению. Существенным этапом исследования прецедентности является обращение к сферам-источникам: важно определить, какие именно сферы (религия, фольклор, литература, театр, политика и др.) служат в том или ином социуме основным источником для репертуара прецедентных имен, событий, высказываний и текстов. Ю.Н. Караулов предлагает отнести к числу прецедентных явлений не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что в свою очередь увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности. Несколько позднее в качестве источников прецедентных текстов был выделен еще более широкий круг исходных сфер, среди которых Библия, античная мифология, музыка, фольклор, популярные песни, политика. При обращении к иным коммуникативным дискурсам (реклама, средства массовой информации, бытовое общение) возникает необходимость использовать еще более детализированную классификацию сфер-источников: политические тексты, наука, спорт, медицина и др. Представляется, что подобные рабочие классификации не претендуют на логическую безупречность: они призваны помочь читателям лучше представить ведущие источники прецедентности. С другой стороны, необходимо подчеркнуть особый сверхличный характер прецедентного текста.

Разделяя точку зрения Г.Г. Слышкина на то, что к прецедентным текстам могут быть применены любые типологии, составленные для обычных текстов, мы считаем важным классифицировать сами произведения, ставшие источниками прецедентности. Таким образом, построение типологии в нашей работе основано на выделении в качестве существенного признака наличия текста-источника, который определяется как произведение, ставшее прецедентным. Обоснованность такого выбора подтверждается тезисом Г.Г.

Слышкина о релевантности этого признака для актуального слоя текстового концепта [Слышкин 2000]. Избранный нами подход позволяет выделить основные типы источников прецедентных текстов, установить критерии долговечности этих типов, выявить зависимость между долговечностью типа и устойчивостью порожденных им знаковых единиц, а также уточнить характер связей между лингвистическим и культурным пространством.

Источниками материала для нашего исследования послужили произведения английской лингвокультуры. Данные анализа позволили выделить следующие группы:

1. Античная мифология, западноевропейская мифология как источники прецедентности.
2. Библия как источник прецедентности.
3. Произведения Шекспира и других английских классиков
4. Исторические факты как источник прецедентности
5. Тексты массовой культуры, или медиатексты.

Рассмотрим их подробнее:

1. Античные мифологические единицы представляют собой самую многочисленную группу. Тексты-источники восходят к античной (древнегреческой и древнеримской) мифологии, поэмам Гомера, басням Эзопа, литературным и историческим произведениям Еврипида, Аристофана, Вергилия, Катулла, Лукреция, Овидия, Плавта, Сенеки, Тацита, Плутарха, Ювенала, Цицерона и других авторов, а также философским произведениям Платона, Сократа и Аристотеля, мемуарам Цезаря. Мифологизмы составляют самый древний корпус знаков прецедентных текстов. В большом числе случаев мифологическая языковая картина мира содержит реликтовые образы, однако, именно потому, что в этой замкнутой системе законсервированы не только нормативно-речевые единицы, но и элементы культуры, мифологизмы получили культурологическую устойчивость. Экстралингвистические причины этого явления лежат в универсальности такой категории мышления, как миф. Р. Барт отметил способность постоянно

возрождаться как главное преимущество мифа [Барт, 1989].

Нами установлено, что общее количество словарных статей, представляющих выражения античного происхождения, насчитывает примерно 3000; из них 46% маркированы ономастическим компонентом. Отсутствие ономастического компонента разрывает связи с текстом-источником значительной части корпуса рассматриваемых выражений, но прозрачная мотивация, знаковая универсальность и традиционность образов позволяет им успешно функционировать в контексте современной речевой коммуникации. Например, такие выражения, как *the apple of discord; the golden age; the unwritten law; the lion's share; to cherish a viper in one's bosom; to kill the goose that laid the golden eggs; a snake in the grass; the golden mean; like cures like; forewarned, forearmed* не потеряли ценностной актуальности и по-прежнему ассоциируются с актуальными сценариями.

Проведённый нами анализ современной художественной литературы и прессы показал, что среди ономастически маркированных единиц самыми востребованными являются выражения, этимологически восходящие к пантеону древнегреческих богов-олимпийцев и эпизодам Троянской войны, что возможно объяснить высокой степенью кинематографичности этих мифов, неоднократно становившихся сценарной основой фильмов, а также многократным воспроизведением античных образов в изобразительном искусстве. Самой высокой частотностью в речи обладают имена Ахилла и Геракла. Остальные 90% выражений редко используются как знаки прецедентных текстов; без ссылки или авторского комментария декодирование их смысла невозможно (Endymion, Erechtheus, Briareus, Hamadryad и т.д.). Такого рода единицы можно встретить в западноевропейской литературе XVI – XIX вв., когда латинский и древнегреческий языки были положены в основу образования, и знакомство с античными текстами предусматривалось школьными программами.

Для традиций англоязычной лингвокультуры весьма характерно использование аллюзивных единиц кельтского фольклора и, в частности,

цикла легенд, посвященных королю Артуру, рыцарям Круглого стола и поискам святого Грааля. Например:

*I've won the America's cup. It's considered the **Holy Grail** of yachting* (S. Terkel. *American Dreams: Lost and Found*).

Основной причиной устойчивости прецедентных единиц данного типа является совокупность следующих признаков: регулярная воспроизводимость, хранение в коллективной памяти и маркированность. К дополнительным признакам можно отнести лаконичность, традиционную общепонятную образность и знаковую универсальность.

2. Далее рассматриваем тексты Библии как источника прецедентности. В течение длительного исторического периода библейская символика закреплялась в сознании людей. На основе текстов Библии возникло множество фразеологизмов, паремий, крылатых слов и устойчивых сочетаний; регулярный характер их употребления завоевал им прочные позиции в современной речевой действительности. Корпус выражений, имеющих генетическую связь со Священным писанием и получивших название библеизмов, традиционно занимает одно из ведущих мест во фразеологической системе английского языка. Формирование таких выражений происходило на основании того или иного библейского сюжета, идеи или образа, которые «конденсируют в своей семантике содержание этого текста» [Ройзензон, 1973].

Популярность протестантских переводов Библии на английский язык, сделанных с учётом уровня образованности среднестатистического верующего, способствовала развитию двух тенденций: во-первых, уходу архаичных форм из активного речевого употребления (*Ahola and Aholiba; Potiphar's wife; Naboth's vineyard; the mantle of Elijah; seven sons of Sceva*); во-вторых, широкому распространению оборотов с прозрачной мотивировкой, употребление которых не требует активизации специальных экстралингвистических знаний (*the root of all evil; to sow the wind and reap the whirlwind; a doubting Thomas; to cast pearls before swine; the hand of God; to*

bring to pass; as old as Adam; a great gulf fixed; not to be worthy to unloose the latchet of smb's shoe; manna from heaven; holy of holies).

Подсчёт показал, что в современном английском речевом употреблении находится около 150 ономастически маркированных выражений. Именам *Jesus, Maria, Golgotha, Armageddon, Sodom and Gomorrah* свойственна высокая встречаемость в художественной и публицистической литературе, так как они являются именами первостепенных персонажей и реалий Библии и давно получили хрестоматийную известность в англоязычном мире [Ермолович 2000]. Мы можем сказать, что такие имена символизировались и приобрели статус знака образа-мифа:

*That Debora who sent me as a child to **Golgotha** was a precise machine with words* (J. Steinbeck. The Winter of Our Discontent).

*Her face scarcely ever altered from its look of brooding. She might have been one of the women who went with **Mary** when **Jesus** was dead* (D. H. Laurence. Sons and Lovers).

Ономастическая реализация библейской концептосферы построена на использовании таких этических элементов, как “милосердие”, “щедрость”, “забота”, “просвещение”, “доброта”. Соответственно, названия, заимствованные из библейской концептосферы, даются учреждениям, воплощающим эти религиозно-этические установки: больницам, приютам, учебным и религиозным заведениям, а также предприятиям общественного питания. Такая практика выражает стремление символизировать и персонифицировать заботу того или иного святого об учениках, прихожанах или пациентах. Так, например, 5 оксфордских колледжей носят имена персонажей Нового Завета: *Jesus College, Magdalen College, St. John's College, St. Peter's College, Christ Church College*. По существующей традиции христианские церкви тоже получают имена святых: *St. George Chapel (Windsor), St. Paul's Cathedral (London), St. Mary's Cathedral (Salisbury)* и др. Больницы называются в честь святых покровителей: *St. George's Hospital, St. Thomas's Hospital, St. Mary's Hospital, St. Bartholomew's*

Hospital (London).

В отличие от ономастически маркированных выражений, долговечность единиц, лишенных таких компонентов, не зависит или слабо зависит от библейских ассоциаций (*to the bitter end; the blind leading the blind; to wish one had never be born; to break bread with; one cannot live by bread alone; to eat the bread of idleness; the breath of life; to make bricks without straw; to have clean hands; the salt of the earth; the slaughter of the innocents; the talk of the town, etc*). Употребление таких оборотов обеспечивает их полное понимание и не требует активизации фоновых знаний, относящихся к Библии.

Нами установлено, что знаки прецедентных текстов Библии являются универсальным кодом, которым, в отличие от античного, шекспировского и кодов массовой культуры, одинаково хорошо владеют различные социальные слои англоязычного общества. Библейский код – единственный из вышеупомянутых, гарантирующий наиболее полное взаимопонимание в силу сочетания таких причин, как долговечность функционирования, ретранслируемость другими прецедентными текстами и комбинированность способов усвоения. На основании этих рассуждений мы считаем, что знаки прецедентных текстов Библии – самые доступные для усвоения реципиентами.

В ходе развития христианской цивилизации Библия как прецедентный текст религиозного дискурса переросла свой статус компонента. Несмотря на тот факт, что Библия перестала быть текстом, усваиваемым только с помощью метода директивного насилия, консервативная тенденция культуры способствует её постоянному воспроизводству и сохранению. Наряду с такими признаками устойчивости, как регулярная воспроизводимость, хранение в коллективном тезаурусе носителей лингвокультуры, маркированность и знаковая универсальность, единицам этого типа долговечность обеспечивает динамическое равновесие (гомеостазис) системы культуры [Савицкий, 2004].

Далее рассмотрим аллюзивные единицы, являющиеся прецедентными знаками произведений Шекспира. Типологическое выделение шекспиризмов в отдельную группу обусловлено особым положением языковой личности их автора в английской лингвокультуре. Так, А. Кеттл подчеркивает, что ни один другой великий писатель не оказывает большего воздействия на английский народ, чем Шекспир, и призывает гордиться многочисленными школьными и университетскими сценическими постановками пьес Шекспира в Британии, которые свидетельствуют о его необыкновенной популярности [Кеттл 1966]. Тот факт, что помимо применяемого в педагогическом дискурсе метода директивного насилия, широко распространен и метод добровольного усвоения текста, говорит о наличии благоприятных условий для регулярного воспроизводства и хранения в коллективной памяти элементов произведений Шекспира.

По данным А.В. Кунина, свыше 100 фразеологизмов из произведений Шекспира обогатили английский язык [Кунин 1996]. Такие выражения зафиксированы словарями и являются устойчивыми языковыми единицами: *to have an itchy palm; in the loss of question; a tower of strength; to take the tide at the flood; thereby hangs a tale; to clear the coast; one's cake is dough; a cat with nine lives; to saw the air; the observed of all observers; to be one too many; there's the rub; to make night hideous; every inch etc.* Устойчивость этих выражений более не обуславливается фактором авторской принадлежности, так как они являются идиомами, в значительной мере утратившими свою связь с первоисточником:

*If you don't already have one, **beg, borrow or buy** Swiss Army knife ...*
(March 1991. Esquire).

Однако, по свидетельству В.М. Савицкого и О.А. Кулаевой, многие расхожие цитаты из Шекспира не вошли в систему языка в силу следующих причин: вычурность присущего им эвфуистического стиля; тесное вплетение в контекст шекспировских произведений; устойчивая ассоциация с великим именем и принадлежность художественному языку Шекспира, а не

этническому языку английского народа [Савицкий, Кулаева 2004]. Развивая эту точку зрения с позиций коммуникативной лингвистики, уточним, что наша позиция по этому вопросу состоит в убеждении, что шекспировский текст является неисчерпаемым источником создания новой интертекстуальности; выбор той или иной цитаты зависит от уровня осведомленности участников коммуникации. Выбирая сегмент текста для цитирования, языковая личность находится в рамках стандарта своего языкового канона и, следовательно, применяет свою языковую компетенцию.

Персонажная актуальность шекспировского прецедентного мира определяется количеством персонажей из его текстов, вошедших в тот или иной концепт. При этом персонажи превращаются в типаж, обобщающий носителя каких-либо свойств и черт характера, и ассоциируются с определенным концептом. Таким образом, имя персонажа получает прецедентный статус и становится значимым для массового употребления. По нашим подсчётам, характерологическая актуальность свойственна примерно 50 из более чем 800 наделённых словами персонажей, среди которых в порядке убывания частотности располагаются *Hamlet, Romeo and Juliet, Othello, Macbeth, King Lear, Ophelia, Iago, Falstaff*. Содержание, закрепленное за вышеупомянутыми именами, связано с ними настолько устойчиво, что они употребляются в речи без дополнительных пояснений:

*Mrs. Todd rocked gently for a time, and seemed to be lost, though not poorly, like **Macbeth** in her thoughts.* (S. Orne Jewett. A Dunnet Shepherdess)

*The professor was a big jovial man of **Falstaffian** appearance* (M. Eccles. A Species of Revenge).

Приведенные примеры эксплуатируют такие значимые для массового сознания элементы концептов, как: «Макбет» - «вина», «Фальстаф» - «веселье». Употребляя эти имена, авторы высказываний абстрагируются от собственных историй персонажей и распространяют ассоциации на другой контекст. Важно добавить, что метонимическое употребление самого имени Шекспира также приводит к переходу в разряд оценочных коннотатов:

*Now he (David Griffith) was hailed as the **Shakespeare** of the screen.*
(E.Bowser);

*“Your imagination is quite **Shakespearean**,” Sylvia Daisy said (J. Masefield. The Box of Delights).*

Прецедентным именам из произведений Шекспира свойственна способность не только становиться концептами, но и порождать ассоциативные концепты, которые прочно закрепляются за этими именами. Далее в диссертации рассматриваются примеры закрепления концептов за самым частотным прецедентным именем из произведений Шекспира:

концепт «интеллект» -

понятийные элементы: «философия», «размышление», «сомнение»-

номинативная ассоциация: «Гамлет» -

событийные признаки метаконцептов: размышлять о смысле жизни; думать мучительно много и долго о своей судьбе; сомневаться в себе; быть на грани самоубийства или сумасшествия; искать ответы на вопросы бытия; осуществлять выбор; приходиться к выводу -

языковая фиксация: *to be or not to be; What a rock and peasant slave I am!; the native hue of resolution; to lose the name of action; something is rotten in the state of Denmark; What a piece of work is man!; to be out of joint; the sea of troubles; the quintessence of dust -*

речевая фиксация:

*The friendly faces have gone, leaving a skyful of sterile dust, like the **quintessence of dust**, the epitome of life (May 2005. The Sunday Times).*

*The fear must be by the time the **native hue of Mr. Kerry’s resolution** has been sicklied o’er with the pale cast of thought, some mid-sized American (July 2004. The Times).*

*There was undoubtedly **something rotten in the state** of England (August 2004. The Times).*

*I am not a nice man. The public know what a vile, hateful, **nasty piece of work I am** (May 2005.The Sunday Times).*

Music did that. Music hath charms. Shakespeare said. Quotations every day in the year. To be or not to be. Wisdom while you want (J. Joyce. Ulysses).

Как видно из вышеприведённых примеров, прецедентное имя Гамлет порождает следующие ассоциативные метаконцепты: «тщетность суеты» - the quintessence of dust; «сомнения и неуверенность» - the native hue of resolution; «разрушение устоев» - something is rotten in the state of...; «самокритика» - what a rock and peasant slave / piece of work I am; «смысл жизни» - to be or not to be.

Подчеркнём, что авторская принадлежность не помешала значительной части этого корпуса, а именно фразеологизмам, проникнуть в языковую систему. Прочим единицам – таким, как цитаты, крылатые выражения, упоминания и аллюзии, - свойственна нормативно-речевая устойчивость, обусловленная соответствием стандартам языкового канона, и культурологическая устойчивость, объясняемая актуальностью шекспировского прецедентного мира. Знаки прецедентных текстов Шекспира находятся в ассоциативном взаимодействии с именами персонажей и универсалиями концептуальной картины шекспировского мира.

4. Следующий этап исследования посвящён текстам, выделенным из сферы массовой культуры под общим наименованием *тексты массовой культуры*, или *медиатексты*. Типология культурных текстов должна учитывать универсальные характеристики культуры, а именно: 1) культура представляет собой разделяемую всеми членами сообщества систему ценностей, символов и знаний; 2) культура порождается только человеком как биологическим видом; 3) культура формируется в совместной деятельности людей и постигается человеком в процессе своей жизнедеятельности; 4) культура не наследуется биологически, а целенаправленно транслируется обществом от поколения к поколению; 5) культурные объекты имеют символический характер [Пикулева 2002]. Для нашего исследования важен тезис о разделении всеми членами общества

свойственной ему определённой системы культурных знаков. Стандартизация потребления продуктов массовой культуры делает большинство таких знаков универсальными. Массовая культура обращена к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории, поэтому ей свойственна средняя языковая семиотическая норма и простая прагматика [Руднев 1999]. Эти свойства позволяют продуктам массовой культуры быть востребованными и достигать популярности.

Основным жанром влияния массовой культуры на потребителей стал кинематограф. Его главной особенностью является способность глубоко проникать в массовое сознание, продуцируя интертексты [Руднев, 1999]. В случае проникновения экранного образа в массовое сознание происходит актуализация языковых форм кинотекста–источника, что проявляется в их употреблении носителями языка. Выражения из кинотекста могут приобретать статус регулярных языковых единиц, зафиксированных словарями: I'm all right, Jack (I'm All Right, Jack. 1959); here's looking at you (Casablanca. 1942); all mouth and (no) trousers (Last of the Summer Wine. BBC. Mid. 20th cent.); make somebody's day (Sudden Impact. 1983); a nice little earner; her indoors (Minder. BBC. 1980s); the end of civilization as we know it (Citizen Kane. 1941); Lone Ranger (USA Radio Series 1933, TV Series 1956-62) и другие. Такие единицы не ассоциируются с текстом–источником и спустя значительный период времени продолжают функционировать в речи без помощи ссылок, благодаря свойственной им универсальной знаковости. Например:

*My father inhaled richly and rose to his feet. He slapped a hand on the cocktail console. He said explanatorily, "Pink champagne. Well, it's not every day, is it? Come on, Vron! **Here's looking at you, my love**"* (M. Amis. Money).

*Two blocks from the hotel is a McDonald's. It was blown up last year. Now it has two security guards. They carry rifles and check every car coming into the parking lot. **This must be the end of civilization** as Americans know it* (R. Girling. The Best of Sunday Times Travel).

Окказиональные языковые средства, имеющие источником своего происхождения кино- и телетексты, употребляются в период времени, соотнесённый с периодом популярности первоисточника. Прецедентность таких текстов можно рассматривать только в пределах короткого социокультурного хронотопа, ограниченного пределами памяти аудитории зрителей – носителей языка. Например:

*And isn't it too, too **Stepford Wives**, with jazz on the rolling lawns and cheese-tasting afternoon* (August 2006. Tatler).

*The **Ugly Bettys** of the world will always be tied down to the photocopier, if the latest research is to be believed* (August 2007. The Daily Telegraph).

Не все фильмы становятся значимыми для массового сознания: как только забывается фильм, персонаж, цитата или ситуация теряют свою актуальность. Это происходит с подавляющим большинством фильмов, мода на которые быстро проходит. В том случае, если кино-телефильм регулярно функционирует в коммуникации носителей лингвокультуры, возникает метаконцепт прецедентного мира. Его языковая актуальность проявляется в употреблении носителями языка соответствующих реминисценций. Анализ англоязычного лингвокультурного материала показал, что наиболее частотной является апелляция к метаконцепту прецедентного мира «Джеймс Бонд – агент 007». Высокая степень прецедентности этого метаконцепта поддерживается производством серии из 22 фильмов о Джеймсе Бонде, регулярно выпускаемых с 1962 года. Наиболее востребованной частью метаконцепта является имя главного персонажа. Изданный в 2002 году словарь Macmillan English Dictionary фиксирует следующее значение имени **James Bond**: a character in a series of books and films who works as a spy for the British government. He is very attractive to women and always has exciting and dangerous experiences. He is famous for introducing himself by saying “The name is Bond. James Bond” (Macmillan English Dictionary 2002). Исходя из приведенного объяснения, можно выявить следующие характеристики: шпион; необыкновенно ловкий и сильный человек; удачливый любовник.

Примеры иллюстрируют эксплуатацию таких элементов метаконцепта, как “шпион” (I), “супермен” (II), “любовник” (III):

*A man joining the agency, the Admiral said, is more likely to become a researcher, economist, statistician, administrator or accountant than a new **James Bond*** (September 1982. New York Times).

*They are junior **James Bond** with thrills, chases, scrapes, escapes and without the sex* (May 2006. Daily Mail).

*But I said to him, “Darling, you know when you kiss girls?” and he was like “Yeah”, and I went on, “Well, you know when you do it like **James Bond** and it’s called snogging?”* (January 2007. Tatler).

Анекдотный цикл, возникший на основе рассматриваемого кинотекста, апеллирует к вышеупомянутым концептам, снижая их ценность в смеховых ситуациях.

Выделение песенных текстов, влияющих на когнитивную базу слушателей, оправдано их прочным положением в современном информационном поле. Однако, на наш взгляд, существует определенное различие между способом усвоения песенных и кинематографических текстов. В отличие от кинофильма, для просмотра которого обязательно наличие сформированной у зрителя интенции, песня не всегда усваивается добровольно. Являясь, как и фильм, продуктом массовой культуры, песня, тем не менее, легче поддается трансляции и более масштабному воспроизводству, что обеспечивает распространение и постепенное привыкание к тексту. Известно, что многократный повтор увеличивает силу воздействия; следовательно, внедрение текста песни в сознание потребителя часто осуществляется независимо от наличия интенции [Желтухина, 2003; Шейгал, 2000].

Принимая во внимание жанровое разнообразие внутри самих песенных текстов, нам следует признать ограниченность воздействия этих текстов на различные социальные слои общества. Знаки прецедентных текстов песенных субкультур являются субкодом, которым владеет ограниченное

количество реципиентов. Таким образом, механизм создания прецедентности в значительной степени основывается на нелингвистическом воздействии. Этот фактор снижает долговечность песни как прецедентного текста, так как ввиду быстрой смены вкусов публики необходимо постоянно внедрять в массовую аудиторию новый «продукт».

Передавая упрощенное смысловое и художественное содержание, которое адаптировано к средней языковой норме, песенный текст оперирует концептами высокой актуальности: «любовь» - All you need is love; Love me tender; «жизнь» - Life is life; «патриотизм» - Rule, Britannia; Born in the USA; Home, sweet home; God, save the Queen; «праздник» - Happy Birthday to You; For Auld Lang Sine; Show must go on; Make whoopee; «счастье» - Don't worry, be happy; «возраст» - When I am 64; «деньги» - Money makes the world go round; Put on the Ritz; Money, money, money...; «удача» - On a wing and a prayer и т.п.

Среди вышеперечисленных примеров преобладают концепты высокой степени абстрактности. Ассоциации, входящие в такие концепты, не подвергаются переосмыслению, так как им свойственна четкая соотнесенность с выражаемыми понятиями. На этом основании мы делаем вывод о том, что подобное свойство языковых единиц, происходящих из текстов массовой культуры, является условием их устойчивости и долговечности.

Обязательным условием устойчивости знаков песенных прецедентных текстов является эвфонический критерий. Поскольку песня – это род словесно-музыкального искусства, текстовая сторона составляет единое целое со звуковой. Обороты, выделенные из песни, организованы ритмически и отличаются более интенсивным использованием таких фонетических средств, как аллитерация, ассонанс, рифма, ударение и количество гласных. В процессе прослушивания они не воздействуют на слушателя по отдельности. Для того чтобы песенную строку запомнили, она должна выделяться и привлекать внимание гармонией звучания и смысла.

Проникая в сознание слушателя, и закрепляясь в нём, песенная строка приобретает вторичную текстовую актуальность и начинает существовать как прецедентный текст в отрыве от своего музыкального образа. На этом этапе функционирования знакам песенных текстов свойственно широкое речевое употребление, что может быть проиллюстрировано примерами:

Property section: Oh, I do like to be beside the seaside ... Claire Pilton wades in and checks out the latest wave of coastal properties (August 2006. Tatler).

Not all British men are slob when it comes to putting on the ritz – some have proved it's not what you wear but the way you wear it (Press Association. 1994).

Иерархия востребованности текстов массовой культуры опирается на уровень потребности зрителей и интересы производителей подобного рода информации. В отличие от рассмотренных выше типов прецедентных текстов, медиатексты оказывают воздействие путём комбинирования портретного, звукового и лингвистических кодов; при этом основным фактором устойчивости прецедентного песенного текста является эвфонический.

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Прецедентный текст вводится в текст-реципиент на основе механизма интертекстуальности, т.е. с помощью различных отсылок к ранее созданным текстам. Эти отсылки существуют в виде различных цитат, аллюзий, реминисценций и т.д. В ряду этих понятий, наиболее часто используемым и ключевым является «аллюзия». Аллюзия является стилистическим приемом, отличающимся известностью, а также тем, что при использовании аллюзии известный «чужой текст» не приводится полностью, а автор предпочитает намекнуть об этом читателю. Аллюзия не содержит ссылку на автора или источник, не выделяется графически и требует активации структур знаний в

полной мере. Аллюзия может быть выражена в художественном тексте разными языковыми единицами: онимами (антропонимы, топонимы, теонимы, мифонимы), фразеологическими единицами, паремиями, цитатами, крылатыми словами библейского, мифологического, исторического, литературного происхождения и т.д.

Для разработки типологии прецедентных текстов англоязычного дискурса уместно применение типологии, основанной на выделении в качестве существенного признака наличие текста–источника. Результаты проведенного анализа позволили выделить следующие группы текстов–источников прецедентности:

1. Античная и западноевропейская мифология
2. Библия как источник прецедентности.
3. Произведения Шекспира и других английских классиков
4. Исторические факты как источник прецедентности
5. Тексты массовой культуры, или медиатексты.

Наибольшее количество признаков устойчивости свойственно прецедентным единицам из корпусов античных мифологизмов и библеизмов. Знаки прецедентных текстов, выделенные из произведений Шекспира, сохраняют лингвокультурную устойчивость благодаря культурной актуальности созданной автором языковой картины мира, а также языковой личности автора. Подавляющее большинство знаков прецедентных текстов медийного происхождения представляет собой кратко живущую комбинацию звуковых, портретных и лингвистических кодов. Их универсальность достигается путём стандартизации массового употребления и умышленной ориентации на среднюю языковую норму. Прецедентные знаки англоязычного дискурса объективны и подвергаются моделированию.

ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

3.1. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В контексте художественного произведения имя, как каждое слово, может актуализироваться шире, чем в одном значении. Для художественной речи многозначность и множественность интерпретаций характерны и составляют одно из её отличий от нехудожественной. Имена, с одной стороны составляют значительную часть словарного состава любого языка, а с другой, по-своему отражают историю, религиозные верования и культуру страны, которой они принадлежат. Особый интерес представляет исследование имени-аллюзии, в частности аллюзивного антропонима. В семантике таких антропонимов заложена экстралингвистическая информация, они составляют неотъемлемую часть фоновых знаний носителей языка и культуры, где как в зеркале отражаются история, мифология, традиции и обычаи определённого народа. К ним прежде всего относятся имена известных людей, мифологических и религиозных героев, литературных персонажей, наделенных яркими характерологическими чертами; распространенные среди носителей языка личные имена. Такие имена со временем становятся национально признаваемыми, их содержание наполняется определенным набором признаков (характер, поведение, внешность, национальный статус), ассоциации становятся устойчивы и социально значимы для языкового коллектива. Оставаясь по форме именами собственными, эти имена утрачивают в значительной мере признаки своей категории и становятся символами тех или иных качеств, признаков, характеристик людей [Горбунова, 2008: 3]. Аллюзивный антропоним в качестве имени персонажа относится к языковым средствам ввода прецедентного текста в имеющийся текст; является символом, репрезентатором культурно значимого текста.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Hamlet, Othello*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (*Cain, Samson*) [Гудков, 2003: 108]. По Ю.Н. Караулову, имя персонажа или автора относится к языковым средствам ввода прецедентного текста в имеющийся текст, наряду с заглавием и цитатой [Караулов 2002: 218]. Эту точку зрения разделяют Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.Б. Багаева, подчеркивающие, что прецедентное имя является символом прецедентного текста [Гудков, Красных, Захаренко, Багаева, 1997: 107]. По мнению В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой, прецедентное имя является репрезентантом культурно значимого текста. Следовательно, имя является знаком, символом прецедентного текста.

Как показал анализ языкового материала, одним из наиболее распространённых источников порождения прецедентного имени являются 1) Библия; 2) античная мифология; 3) художественные произведения; 4) исторические личности. Антропонимы, имена религиозных и мифологических героев, персонажей, святых и реликвий в ряде случаев выступают в качестве прецедентного имени в принимающем тексте. В качестве прецедентного имени могут выступать:

1) аллюзивный антропоним, т.е. имя человека, героя библейского или мифологического происхождения, которое используется в интертексте;

2) имена, перешедшие в разряд нарицательных и тем самым ставшие именами-символами, которые активируют в сознании читателя определённый концепт или прецедентную ситуацию;

3) аллюзивные топонимы библейского, мифологического, литературного, исторического происхождения, отличительным признаком которых является общеизвестность и культурная значимость.

Проиллюстрируем вышесказанное следующими примерами:

Например, в произведении Дж. Элиот “*Silas Marner*” используется фразеологическая единица с компонентом антропоним библейского происхождения:

*Among the members of his church there was one young man, a little older than himself, with whom he had long lived in such close friendship that it was the custom of their Lantern Yard brethren to call them **David and Jonatan** (ch.1).*

Для характеристики преданной дружбы персонажей, автор в данном фрагменте текста использует библейские антропонимы Давид и Ионафан (David and Jonatan). Использование этих антропонимов отсылают сознание читателя к легенде о пророке Давиде, лучшим другом которого был Ионафан, сын его врага. Давид и Ионафан заключили завет дружбы между собой и своими потомками и всегда поддерживали свою дружбу (Книга 1-царств, 20). Поэтому в христианской традиции, данные имена стали символами вечной дружбы. Использование данных антропонимов активизирует в сознании читателя во-первых прецедентный текст, т.е. Библию, а во-вторых прецедентную ситуацию, связанную с этими именами.

Аллюзия часто рассматривается как средство создания добавочного имплицитного смысла и привлекается к анализу понятий импликации, пресуппозиции, подтекста. Имплицитный смысл высказывания, текста осознается в значительной степени благодаря знанию того мира, в котором мы живем. Говоря о семантике аллюзий, можно выделить понятие «импликационал». Импликационал образует совокупность ассоциативных и оценочных сем, обусловленных и варьирующихся в контекстах. В своей семантической структуре аллюзивное имя имеет несколько периферийных зон (зону сильного, слабого (свободного) и отрицательного импликационалов. Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру, составляя почти неперемнную часть лексического значения, поэтому они часто попадают в толкования значений в словарях. К слабому импликационалу относятся менее вероятностные признаки. Отрицательный

импликационал образуют невозможные или маловероятные признаки. К зоне сильного импликационала аллюзии *Samson* относятся «сила» и «длинные волосы», поскольку сила Самсона заключалась в его волосах. Такие признаки, как «слепота», «слабость», «возлюбленная (Далила)», «предательство», войдут в зону слабого импликационала.

Эти признаки мы можем проиллюстрировать на примерах из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». В следующем отрывке актуализируется сравнение по схожему личностному качеству – силе.

*By God! I long to exert a fraction of **Samson's strength**, and break the entanglement like tow!* (Bronte, Jane Eyre).

Автор использует аллюзию *a fraction of Samson's strength* для того, чтобы показать, насколько сложными и серьезными казались проблемы мистеру Рочестеру, что он мечтал обладать силой Самсона, дабы суметь решить их.

*But in his coun tenance, I saw a change: that looked desperate and brooding – that reminded me of some wronged and fettered wild beast or bird, dangerous to approach in his sullen woe. The caged eagle, whose gold-ringed eyes cruelty has exting uished, might look as looked that sightless **Samson*** (Bronte, Jane Eyre).

Как известно, в доме у мистера Рочестера начался пожар, виновницей которого была его безумная жена. Спасая жену, мистер Рочестер потерял кисть правой руки и полностью ослеп. Увидев Рочестера, Джейн Эйр невольно сравнивает его с плененным орлом, чьи глаза были жестоко вырваны, – бедным ослепшим Самсоном. Маркированная аллюзия *as looked that sightless Samson* помогает автору выразить весь драматизм ситуации.

Аллюзивные имена мифологического происхождения, также как и библейские, являются общеизвестными и прочно закрепились в общекультурном фонде западной цивилизации. Знание мифологических аллюзий является атрибутом классического образования. Следующий пример

содержит имя Кассандры, дочери царя Трои, Приама, предрекшей гибель этого легендарного города. Имя стало синонимом человека-пророка несчастий, предсказаниям которого не верят:

*Wexler's terseness is not unexpected. It is a feature of these meetings, known to everybody present, that a curse, if not an outright embargo, hangs over the use of Lederer's name. Lederer is their **Cassandra**. Nobody ever asked **Cassandra** to preside over a meeting on damage limitation [Le Carre, A Perfect Spy, 1987:P.311].*

Исторические аллюзии представляют ссылку на деятелей истории. Здесь чаще фигурируют имена политиков и военных, оставивших наиболее памятный след в истории страны или в мировой истории. Примером может служить аллюзия к Юлию Цезарю в романе Ле Каре "Идеальный шпион":

*Membury comes too, a **grinning, loping Caesar dwarfing** his Antony, hauling on his ear, dreaming of fish and smiling at the wrong people [Le Carre, A Perfect Spy, 1987:470].*

Частое упоминание имени Юлия Цезаря, великого римского политика и полководца 1 в. до н.э., объясняется незаурядностью его личности. Пример акцентирует его отношения с Марком Антонием, который не мог выйти из тени великой личности и был обречен играть вторую скрипку. Именно такие отношения и сложились между героями современного романа Ле Каре.

В романе "Женщина французского лейтенанта", описывая викторианскую эпоху, Дж.Фаулз намеренно придал своей аллюзивности определенную временную ориентацию: большинство упоминаемых персоналий относятся к концу 19 в. Это одновременно и знакомит читателя с обстановкой Англии того времени, и заставляет его идентифицировать себя с типичным жителем Англии тех дней, уравнивая объем "общей памяти" англичанина викторианской эпохи и англичанина - нашего современника. По результатам контекстологического анализа можно также заключить, что аллюзивность романа Дж.Фаулза имеет ярко выраженную тематическую направленность - взаимоотношения полов. В данных вопросах взгляды

Англии эпохи королевы Виктории отличались аскетически чопорной моралью (напр.: *Magdalen Society* P.25; *the Gibson Girl type of beauty* P.105; *Flora* P.68; *the Pygmalion myth* P.273; *Venus* P.264; *Catullus* P.216; *Sir Galahad and Guinevere* P.205; *Don Juan* P.71; *Cupid* P.39, 101,173; *Pandora's box of sex* P.235; *Sodom and Gomorrah* P.80; *a sugar Aphrodite* P.226; *a Calipso* P.125; *Eve* P.115; *a Helen of Troy, a Cleopatra* P.327; *Pocahontas* P.368 и т.д.).

Аллюзивные имена выступают формой существования традиционных образов и, употребленные в текстах в разных по значимости позициях, демонстрируют отражение и иерархию разных групп ценностей в мировосприятии автора произведения. Так, произведения С.Кинга изобилуют аллюзивными именами, принадлежащими выдающимся лицам современности. Его книги – это своеобразная мини-энциклопедия наших дней, поэтому в его произведениях происходит сдвиг ценностей с общечеловеческих на индивидуально окрашенные, отражающие повседневное мировосприятие. Наблюдается нелепое столкновение АИС, принадлежащих разным культурным пластам, что ведет к пародированию, оспариванию незыблемости вечных истин. Наиболее яркими аллюзивными именами современности выступают имена кино- и поп-звезд, например:

*Lloyd grinned happily. He was **dazzled by his new fame**. He imagined that Tom Cruise must feel something like this **at a world premiere** [King, *The Stand*, P.177].*

Блестящий мир шоу бизнеса послужил основой сравнения текстовой и прецедентной ситуаций. Знакомые всем американцам церемонии вручения кинонаград позволяют наглядно представить состояние главного героя, купающегося в лучах славы, подобно любимому американцами Тому Крузу.

Большая часть проанализированных нами аллюзивных имён функционирует в актах вторичной номинации и зачастую значение имени может семантически варьироваться с данным исходным значением. В результате семантического варьирования значение аллюзивного имени приобретает коннотативный компонент.

Согласно И.В.Арнольд, коннотация включает эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты [Арнольд, 1990:107-114]. Коннотация является факультативной частью значения лексических единиц в противовес денотативному значению.

Эмоциональный компонент значения может быть узуальным или окказиональным. Слово или имя обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-нибудь эмоцию или чувство. Эмоцией называется относительно кратковременное переживание: радость, огорчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление, а чувством – более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение и т.п. В большинстве случаев эмоциональный компонент семантики аллюзивного имени окказионален, что подтверждается наличием семантического повтора, эксплицирующего передаваемые аллюзивным именем эмоции, например:

*William Dazeley managed to sing the baritone's 'dramatic' arias without showing any sign of embarrassment, while soprano Mary Hegarty was in gorgeous voice. And the audience loved it. Only your critic sat **scowling** and **Scroodge-like** in the corner, **hating** every moment* [Night and Day (The Mail on Sunday Review). – Dec. 1996.

Контекст АИС "Scroodge-like" содержит его семантический повтор "scowling" (scowl – a bad-tempered look [Н, Т.3, С.125]). Именно этот семантический повтор актуализирует эмоциональный компонент коннотации Аллюзивное имя "Scroodge-like" - "с неодобрением, с раздражением". Этот компонент коннотации является результатом переосмысления целостного образа референта, носителя имени "Scroodge" (герой новеллы Ч. Диккенса "Рождественский гимн" ('A Christmas Carol')), которому дали прозвище "старый скупец" - 'the old miser' [Companion to Literature in English, 1994, P.176]. Эмоциональная составляющая коннотации АИС "Scroodge-like" поддерживается также глаголом "hate", содержащим прямое указание на негативные эмоции. Из сказанного видно, что коннотативный компонент

значения сопровождается наиболее вероятными ассоциациями АИС "Scroodge".

Слово обладает **оценочным компонентом** значения, если оно выражает положительное или отрицательное суждение о том, что оно называет, т.е. одобрение или неодобрение. Место оценочных коннотаций в разных функциональных стилях различно. Они часто встречаются в ораторской речи и совсем не приняты в научной или официально-деловой речи. Следующий пример демонстрирует отрицательную оценку, передаваемую аллюзивного имени "Judas":

*With devilish cunning I encouraged her to talk. Unsuspecting, she laid her heart bare. Upon the cold, conspicuous common, printed page I offered it to the public gaze. **A literary Judas**, I kissed her and betrayed her. For pieces of silver I dressed her sweet confidences in the pantalettes and frills of folly and made them dance **in the market place** [O'Henry, Selected Stories, P.74].*

Семантический повтор аллюзивного имени "Judas" содержит оба элемента значения АИС: его содержательное наполнение (*I kissed her and betrayed her, for pieces of silver, in the market place*) и его негативную оценку (*betrayed*). Семантический повтор актуализирует те же коннотации аллюзивного имени "Judas", которые зафиксированы в словаре А.Хорнби: the name of the man who *betrayed* Christ; a *traitor* [Hornby, T.2, C.176]. Далее: Traitor – a *disloyal* person [Hornby, T.3, C.358].

Слово обладает **экспрессивным компонентом** значения, если своей образностью или другим способом подчеркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других, синтаксически связанных с ним словах. Различают экспрессивность образную и увеличительную. Практически все аллюзивные имена обладают образной экспрессивностью за счет переосмысления их первичного значения. Часть аллюзивных имен способна также нести увеличительную экспрессивность, например:

This is Cairo, not New York or Paris or even Rome. I say that because even

Italy is run incredibly efficiently when compared with Egypt, which is saying a lot. Cairo suffers from a gargantuan bureaucracy [Cook, Sphinx, P.47].

Аллюзивное имя "gargantuan" настолько прочно ассимилировалось в лексиконе англичан, что не нуждается в сколько-нибудь значительной интерпретации своей семантической структуры. Кроме того, данное аллюзивное имя почти потеряло связь с первоисточником заимствования (романом Ф.Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль"), о чем свидетельствует его написание с маленькой буквы. Оно сохранило экспрессивный компонент значения, а именно, СМ интенсивности, ведь Гаргантюа – имя ненасытного великана. К тому же сам роман французского писателя носит гротескно-гиперболический характер, о чем свидетельствует дефиниция аллюзивного имени "gargantuan": enormous, gigantic [Hornby, Т.2, С.9], где актуализируется коннотативный компонент значения аллюзивного имени.

Слово также обладает **стилистическим компонентом** значения, или стилистической коннотацией, если данное слово типично для определенных функциональных стилей и сфер речи, с которыми оно ассоциируется, даже будучи употреблено в нетипичных для него контекстах. Проиллюстрируем стилистическую маркированность аллюзивного имени следующими примерами:

Old Tom *уст. жарг.* – "старый Том" (общее название подслащенных сортов джина по имени Томаса Чемберлена, занимавшегося изготовлением джина; метонимический перенос) [Кунин, 1984:768]. Аллюзивное имя в составе фразеологизма стилистически маркировано. Сферой его функционирования является сниженный стиль в силу его этимологии и употребления для описания социально неодобряемой практики.

The thread of Ariadne *книжн.* – нить Ариадны, путеводная нить (*этим. миф.*) [Кунин, 1984:757]. Принадлежность аллюзивного имени "Ariadne" к возвышенному стилю объясняется общей закономерностью мифотворчества идеализировать человеческое бытие и видеть в повседневном черты вечного. Такую же тенденцию демонстрирует и следующий пример: The Pierian spring

книжн. – вдохновение (Пиерия – область в Сев. Фессалии, в древности считалась обителью муз) [Кунин, 1984:710].

Употребление в художественном тексте аллюзивного имени с пометой "книжные" может повлиять адресата по шкале ценностей, подразумевая его хорошую осведомленность в вопросах искусства и литературы.

Так, в романе "Башня из черного дерева" Дж.Фаулз включает своего потенциального читателя в круг знатоков искусства, и читателю волею-неволей приходится пополнять багаж своих фоновых знаний, чтобы вычитать скрытые в АИС смыслы. Большая часть АИС имеет полное, детальное толкование в комментарии, что свидетельствует о специфичности сферы их употребления. Данные аллюзивные имена можно отнести к профессионализмам, так как они являются частью фоновых знаний художников и знатоков искусства и в их среде не требуют комментария (напр.: *peaceful like a Chardin, a Georges de la Tour* p.62; *Van Gogh's ear* p. 41; *Gauguin, brown breasts and the garden of Eden* p.82; *Lizzie Siddal* p.47; *the Brueghel family* p.51; *princess of Trebizond* p.117; *Rembrandt* p.113; *Constable and Turner* p.126; *Lautrec* p.104; *Samuel Palmer and Chagall* p.41 и т.д. [Fowles, *The Ebony Tower*]), поэтому аллюзивные имена, принадлежащие семантическому полю искусства, употреблены в тексте во вторичных значениях с минимальным эксплицирующим контекстом.

Таким образом, прецедентные имена относятся к словам-символам, семантика которых представляет собой сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических сведений. Наибольшим потенциалом обладают собственные имена великих людей, героев и персонажей библейского, мифологического, литературного и исторического характера. Информативная насыщенность прецедентных имён носит ассоциативный характер и делает их удобной базой для создания аллюзии. Исходя из вышесказанного, представляется значимым ведение исследования художественного текста с учетом особенностей функционирования аллюзивного собственного имени, использование которого основывается на возможности взаимодействия

наработанных ассоциаций с контекстом. При этом выполнение стилистических функций аллюзивного имени может опираться на коннотации, накопленные именами в результате их функционирования в прецедентном тексте, оживление этимологии и другие приёмы. Культурный фон таких имён становится дополнительным планом демонстрации мотивов и идей художественного произведения.

3.2. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной». Типичным прецедентным высказыванием является цитата.

Учитывая многообразие цитат, можно говорить о разных их классификациях (более широких или более узких), строящихся на основе выделения разных критериев или принципов. Так, например, И.В. Алещанова в своем диссертационном исследовании «Цитация в газетном тексте» классифицирует цитаты на основе критериев «формы и объема», выделяя при этом структурные типы цитации, такие как полную, редуцированную и сегментированную, а «в соответствии с выполняемой функцией» предлагает разграничить цитацию-мнение, цитацию-пример, цитацию-заменитель (Алещанова, 2004). В.П. Берков и О.В. Беркова типологизируют цитаты на основе выделения смыслового критерия. В этом случае авторами разграничиваются афористичные цитаты (крылатые слова), наполненные глубоким философским смыслом и достаточно выразительные и образные «прецедентные» единицы, часто употребляемые, но не претендующие на «высокие смыслы» и философичность (разговорные). (Берков, Беркова 2000: 10). Авторы классифицируют цитаты по видам сообщаемой ими информации и выделяют «гномические», т.е. те, которые являются некоторым обобщением человеческого опыта и жизненной

мудрости, «характеризующие», «функцией которых является выражение в образной форме», и так называемые эстетические цитаты (с орнаментальной функцией), среди которых можно разграничить поэтические цитаты, юмористические цитаты, киноцитаты (Берков, Беркова, 2000:11).

Построение классификации по тематическому принципу позволяет выделить политические цитаты, цитаты о любви, дружбе, чести и т.д. На основании выделения тематического критерия строятся многие книг-словари мудрости, афоризмов и т.д. Ср. (Ашукин, Ашукина, 1987), (Воронцов, 1979), (Давтян, 2001).

Более узкую, в достаточной степени специфическую классификацию, построенную на основе критерия их воспроизведения по принципу «часть вместо целого», предложила в одной из своих работ (с изложением проведенного лингвокультурологического эксперимента) И.Н. Щекотихина (Щекотихина, 2002). Автором были выделены классы цитат (сформированные из отобранных методом сплошной выборки заголовков современных газет), выделенные «в зависимости от формы воспроизведения или актуализации», а также с учетом «соотношения параметров воспроизводимости: смыслового, лексико-грамматического, фонетического» (Щекотихина, 2002: 77).

Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева классифицируют цитаты (прецедентные высказывания) согласно особенностям их употребления и разграничивают случаи использования: «канонические» – цитата приводится без изменения и трансформированные – цитата изменяется, при этом она легко узнаваема (Гудков, Красных, Захаренко, Багаева, 1997:111). Авторы отмечают, что возможно более широкое разбиение цитат на две группы согласно критерию их связанности с текстом-источником: утратившие связь с претекстом и «жестко связанные» с ним.

Цитата в узком понимании трактуется как точное воспроизведение в новом контексте текста-источника при обязательной графической

отмеченности последнего. С. Моравски указывает в качестве основного признака цитаты ее дословность, при этом цитата должна быть легко отделима от принимающего текста, то есть реципиент не должен испытывать никаких затруднений в выделении интертекстуального включения – цитаты.

Вслед за С. Моравски М.И. Булах выделяет дискретность и дословность как основные характеристики цитаты и дает свое определение: "цитата — семантическое единство, буквально передающее чужое высказывание, и отличающееся дискретностью" [Булах, 1978: 116].

Исследуя функционирование цитаты в научных и художественных текстах, В.П. Андросенко отмечает, что кавычки являются условными знаками, которые были выработаны и поддерживаются практикой использования чужой речи в художественном и научном стилях. Знаки цитации являются лишь сигналами единства формы и содержания в письменном тексте, следовательно, кавычки, курсив и т.д. не могут быть отнесены к форме цитируемого высказывания как такового. Автор высказывает предположение о метасемиотическом характере знаков цитат в художественной литературе в отличие от их семиотического функционирования в научных текстах. Графическое оформление тем самым служит для выражения эстетической интенции автора, определенных эмоционально-экспрессивно-оценочных коннотаций [Андросенко, 1988: 29].

Сферами источниками прецедентных высказываний выступают: 1) Библия; 2) античная мифология; 3) народные сказки и тексты песен; 4) литературные произведения

В нашей работе, мы выделяем три типа прецедентных высказываний или в терминологии А.Г. Мамаевой аллюзивных цитат:

- 1) Атрибутированные прецедентные высказывания – графически оформленные, обычно закавыченные и которые приводятся без изменения и трансформации;
- 2) Неатрибутированные прецедентные высказывания – графически

неоформленные и невыделенные, расшифровка которых требует фоновых знаний реципиента.

- 3) Трансформированные прецедентные высказывания – графически неоформленные, которые вводятся в художественный текст в измененном и трансформированном виде

Иллюстрацией атрибутированных прецедентных высказываний могут служить нижеприводимые примеры.

Так, одна из цитат и ссылок, сделанных героем романа Сидни Шелдона “The Sky is Falling” на роман Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», является таким же непременным атрибутом для англоязычного мира, как и ссылки и цитаты из Библии.

Matt shook his head. It's like “Alice in Wonderland”. This gets curiouser and curiouser. [Sheldon, The Sky is Falling, p.187].

Речь идет о таинственной смерти одного из богатейших людей Америки Гари Уинтропа и загадочных обстоятельствах смерти членов его семьи. Цитата и ссылка служат для создания портретной характеристики редактора телевидения, его заинтересованности в том, чтобы первым опубликовать новость о расследовании и разгадке тайны.

В следующем отрывке из романа Д. Брауна “The Da Vinci Code” использованы прецедентные высказывания библейского происхождения. Прецедентное высказывание выделено графически курсивом:

Purge me with hissop and I shall be clean, he prayed, quoting Psalms. Wash me, and I shall be whiter than snow (Brown, The Da Vinci Code, 2003:40).

Персонаж романа, альбинос Сайлас, после убийства четырех человек, провёл акт самобичевания и смывая кровь в ванне произносит про себя слова из Псалмов, прося Бога простить его грех и очистить его. Прецедентное высказывание с ключевым словом которого *clean* показывает чудовищный контраст между духовно насыщенными словами и совершенными деяниями персонажа.

Как показал анализ языкового материала, в английской литературе найдется немало примеров аллюзий, указывающих на сходство внешности героев, персонажей. Концепт ВНЕШНОСТЬ является наиболее часто репрезентируемым, поскольку первое, что привлекает наше внимание в человеке, – это внешность. Особенности характера человека выявляются в процессе общения, в разных ситуациях. Смысловые репрезентанты данного концепта достаточно разнообразны. Можно выделить набор признаков, формирующих данный концепт, а именно: внешний вид в целом, части тела (лицо, глаза, волосы, взгляд), рост, вес, одежда, привлекательность.

В рассказе Г. Грина “Travels with my Aunt” мы встречаем прецедентное высказывание, касающееся персонажа из сказки братьев Grimm – Рапунцель. При имени Рапунцель в сознании реципиента автоматически возникают признаки, присущие этому сказочному образу и служащие основой для метафорического переноса.

*“I have kept mine. I can still sit upon it”. She added surprisingly, “**Rapunzel, Rapunzel, let down your hair**”. Not that I could have ever let it down from a second-floor flat”* (Greene. Travels with my Aunt).

В сказке братьев Grimm у Рапунцель были красивые длинные волосы. Мачеха-колдунья заточила ее в высокую башню, в которой нет дверей, только окно. Когда мачеха хотела навестить девушку, Рапунцель свешивала свою косу и колдунья взбиралась по ней.

В романе Грэма Грина тетушка Августа, заметив редящие волосы своего племянника, гордо показывает ему свои волосы, которые попрежнему были длинными и красивыми, почти как у Рапунцель. Таким образом, тетушка Августа и Рапунцель внешне похожи благодаря во-лосам. Однако тетушка Августа отмечает, что ее волосы все же не достаточно длинны, чтобы спускать их из окна третьего этажа.

Как показал анализ языкового материала, в художественном тексте чаще используется неатрибутированное прецедентное высказывание, которое не является графически оформленным. Восприятие прецедентного

высказывания производится посредством узнавания ключевого слово или в случае владения достаточно широкими фоновыми знаниями.

Так, в отрывке из произведения С. Шелдона “The Sky is Falling”, узнавание прецедентного высказывание не требует особых усилий, т.к. во-первых, неатрибутированная цитата взята из хорошо известной народной сказки о Золушке, а во-вторых активизируется посредством аллюзивного антропонима – Cinderella и Mr. Charming. Таким именам собственным свойственна полнота лексического значения - реферативного, денотативного и коннотативного. Это имена-образы. Интерпретация образа Золушки, с нашей точки зрения, не меняется в разные эпохи и в разных культурах. Это образ юной девушки, с которой ее мачеха и две некрасивых сестры обращаются как с рабыней.

Героиня романа Дана, тележурналист, проведя счастливые минуты с возлюбленным, вынуждена покинуть его, поскольку долг и работа требуют ее внимания и времени:

*Later, Dana said reluctantly, «I'm afraid it's time for **Cinderella to turn into a pumpkin, darling**»[Sheldon, The Sky is Falling, p. 140].*

Ссылка на персонажа той же сказки имеется в другом эпизоде романа:

“And what am I?”

*“You are a survivor. And I'm proud of you. You know, **Mr. Charming** was right about one thing - I'm hungry. I guess it wouldn't interest you, but I see a **McDonald's ahead**”. [Sheldon, The Sky is Falling, p. 75]*

Эти слова используются автором для создания художественного образа говорящего через его речевую характеристику. Речевая ситуация такова: Дана с иронией ссылается на жениха своей матери, который вел себя бестактно по отношению к ее приемному сыну, потерявшего во время войны в Сербии руку, назвав его «калекой», прямо в лицо мальчику. Тележурналист Дана Эванс предстает как человек, тонко чувствующий несправедливость, бестактность, а также остро ощущающий ранимость своего приемного сына.

В следующем отрывке из романа Джеймса Джойса «Улисс», расшифровка использованного графически не оформленного прецедентного высказывания требует знания реципиентом религиозных структур знаний.

- STEPHEN (To himself.) *Play with your eyes shut. Imitate pa. **Filling my belly with husks of swine. Too much of this. I will arise and go to my.*** (Joyce, *Ulysses*, P. 634)

Только выйдя на метаметасемиотический уровень, можно интерпретировать слова библейского блудного сына, которые Джойс вкладывает в уста Стивена («Я наполнил чрево рожцами, что едят свиньи»), чтобы опосредованно, через библейскую аллюзию, передать мысль Стивена об отцовской роли Блума по отношению к нему. Если данное аллюзивное не расшифровать, важная для понимания всего произведения идея будет утрачена.

Примером неатрибутированного высказывания в романе С. Шелдона «The Sky is Falling» являются также следующие строки:

*Sam, I'm going to do you a great big favour! **Beware of stars bearing gifts***
Sam Winters thought wryly.

“You've been going crazy looking for a girl for Keller's picture, right?”
Toby asked. “Well, I got her for you” [Sheldon, *Stranger in the Mirror*, p.226].

Декодирование прецедентного высказывания в художественном тексте связано с определенными трудностями. Для его расшифровки реципиент должен обладать структурами знания мифологического характера. Прецедентное высказывание представлено строкой из «Илиады» Гомера: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Троянская война была выиграна благодаря хитроумной уловке данайцев, воевавших на стороне греков, спрятавшихся в деревянном коне. Троянцы, решив, что это подарок, ввезли коня в Трою. В результате они подвергли собственный город разрушению, все мужское население было перебито, а женщины обращены в рабство. Посредством использования данного прецедентного высказывания, Сидни Шелдон подверг критике Голливуд, где успех и деньги решают все.

Наибольшую трудность для декодирования представляют трансформированные прецедентные высказывания, т.к., во-первых они неатрибутированы, а во-вторых характеризуются тем, что в новом контексте может происходить опущение или замена компонентов цитаты.

But now she no longer cared. That was part of her past, and she was sure they (the terrible pains) would go away.

*From now on life was going to be wonderful. **Josephine Czinski was dead. Long live Jill Castle*** [Sheldon, *The Sky is Falling*].

Фраза «**The King is dead, long live the King**», провозглашавшая смерть одного короля Франции и восхождение на трон другого, впервые употреблена в 1461 г. Функционируя в новом контексте, прецедентное высказывание получает символическую значимость. Компонент высказывания **King** заменяется старым и новым именем персонажа: **Josephine Czinski was dead. Long live Jill Castle.**

Героиня романа надеется, что, изменив имя, она изменит свою судьбу, будущее, добьется успеха, станет знаменитой актрисой. Но с изменением имени совершенно неприметно для себя изменилась она сама. Таким образом, прецедентное высказывание звучит одновременно иронично и драматично.

В романе «451 градус по Фаренгейту» Р. Бредбери, представлены прецедентные высказывания, представляющее собой аллюзию сразу на два текста:

*We must all be alike. **Not everyone born free and equal**, as the Constitution says, but everyone made equal. **Each man the image of every other*** [Bredbary, p.46].

Во-первых, герой дает открытую ссылку на Конституцию США, что делает данную аллюзию атрибутированной, то есть имеющей указание на источник, а во-вторых, опровергает один из основных постулатов христианской религии о том, что человек создан по образу и подобию

Божьему (So God created man in his own image – И сотворил Бог человека по образу Своему (Бытие 1:27).

Прецедентные высказывания также используются для создания художественного образа. Например, в романе С.Шелдона *The Sky is Falling*, посредством подобных аллюзивных высказываний создаются не только штрихи к портрету главной героини романа, но и передается важность её религиозных и моральных воззрений:

Jeff s right, she thought. I'm expecting too much too soon. He needs more time to adjust. I could never give up on him. My father abandoned my mother and me and I've never forgiven him for that. There should be an *eleventh commandment*. Thou shall not abandon those who love you» [Sheldon, *The Sky is Falling*, p. 44].

Речь идет о десяти библейских заповедях, которые гласят, как должен жить человек, как должен относиться к другим людям. Они существуют в христианской, иудейской и исламской религиях. «Не убий», «не укради» - одни из них. Заметим, что аллюзия включает устаревшую форму местоимения *thou*, которое встречается в функции подлежащего, в частности в Библии и произведениях Шекспира.

Таким образом, прецедентные высказывания а) широко используются в художественном тексте; б) выражаются в основном атрибутированными, неатрибутированными и трансформированными цитатами; в) используются для создания художественного образа, описания его психологических или внешних характеристик; г) создания ироничного эффекта. Наибольшую трудность для декодирования представляют неатрибутированные и трансформированные прецедентные высказывания, т.к. не являясь графически оформленными, они требуют для опознания достаточно широких знаний в области религии, мифологии, литературы, истории, фольклора.

3.3. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Прецедентная ситуация – это «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями», которая хорошо известна всем членам определенного лингвокультурного сообщества.

Прецедентная ситуация актуализируется через прецедентное высказывание или прецедентное имя и относится к вербализуемым феноменам. Она также входит в когнитивную базу в виде инварианта восприятия. Ярким примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как "эталон" подобного действия вообще. Соответственно, любое предательство начинает восприниматься как "модель", вариант изначальной и "идеальной" ситуации предательства. Дифференциальным признаком указанной прецедентной ситуации (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство) становятся универсальными и начинают приписываться всякому предательству, а атрибуты прецедентной ситуации (например, 30 сребреников, поцелуй Иуды) фигурируют как символы прецедентной ситуации. В свою очередь, прецедентное имя становится именем-символом.

*Abel put the phone back on the hook and sat staring into space as he considered his next move ... His secretary came in. "Get Mr. Curtis Fenton at the Continental Trust Bank," he said without looking at her. ... A few moments later the phone rang. "Fenton?" "Good morning, Mr. Rosnovski, how are you?" "I want you to close all my accounts with your bank." "May I ask why, Mr. Rosnovski?" "Because **Judas never was my favorite apostle, Fenton, that's why**" (Archer, 1984: 379 – 380).*

Прецедентная ситуация может быть представлена в тексте посредством использования имени (см.3.1.), прецедентного высказывания (см.3.2), фразеологической единицы библейского, мифологического, литературного, исторического характера.

В качестве иллюстрации возьмем пример из романа Дж.Фаулза "Волхв":

I glimpsed her figure in the mirror, beneath the Tuscan porch. Because this was now the active mystery: I was not allowed to meet Alison. Something was expected from me, some Orphean performance *that would gain me access to the underworld where she was hidden or hiding herself*. I was on probation. But no one gave me real indication of what I was meant to be proving. I had apparently *found the entrance to Tartarus*. But that *brought me no nearer Eurydice* [Fowles, The Magus, P.606].

В приведенном примере актуализируется прецедентная ситуация из древнегреческого мифа об Орфее и загробном мире Тартаре. Прецедентная ситуация вербализируется в тексте посредством прецедентных имён: антропонимов – Orpheus, Eurydice и топонима – Tartarus. Атрибутами мифа об Орфее являются: 1) искусство и творчество; 2) великая любовь; 3) верность и самопожертвование. Атрибутами мифа о Тартаре являются: 1) смерть; 2) загробный, подземный мир; 3) небытие; 4) душевные и физические муки.

Орфей служит семантической компрессией всего мифа, главным героем которого он выступает. Семантический повтор раскрывает импликации имени, демонстрируя его смысловую многоплановость. Во-первых, непосредственно через упоминание прецедентного имени "Orphean performance" пример оживляет в памяти образ самого Орфея, прославившегося своими артистическими талантами (игрой на лире). Во-вторых, семантическая редупликация прецедентного имени "Orphean" (выделенная курсивом в примере) передает в обобщенном варианте текст мифа об Орфее. Как свидетельствует энциклопедия мифов, мифы об Орфее – участнике похода аргонавтов, изобретателе музыки, верном возлюбленном, спустившимся за своей женой Евридикой в Аид, - частый сюжет в литературе, изобразительном искусстве и музыке.

В контексте современного романа Дж.Фаулза "Волхв" главный герой

Ник, словно верный Орфей, пытается найти оставленную им возлюбленную Элисон, как будто ему в наказание спрятанную или прячущуюся от него в фантомном мире, созданном изощренным умом старца Конхиса. Миф продолжает свою жизнь, отражая в то же время изменившиеся ценности 20 века. Ник – далеко не идеал верности, да и особым талантом он не прославился, но его душевные страдания и препоны, чинимые Конхисом, наводят на мысль о Тартаре.

Рассмотрим реализацию прецедентной ситуации в романе Д.Г.Лоренса "Влюбленные женщины":

The whole idea is *dead*. Humanity itself is *dry-rotten*, really. There are myriads of human beings hanging on the bush – and they look very nice and rosy, your healthy young men and women. But they are *apples of Sodom*, as a matter of fact, Dead Sea Fruit, *gall-apples*. It is not true that they have any significance – *their insides are full of bitter, corrupt ash* [Lawrence, Women in Love, P.140].

Данный фрагмент богат библейскими ассоциациями. В нём актуализируются прецедентные ситуации связанные с легендами о Содоме и грехопадении. Согласно библейской легенде, Содом был населён грешными людьми, нежелающими избавляться от своих пороков. В итоге, Бог наказал их и данные города были уничтожены (Бытие, 18, 20). Ева съела яблоко нарушив запрет Бога. Это послужило причиной грехопадения первого человека в итоге человечество было осуждено проводить свою жизнь в муках и труде (Бытие, 3:6). Атрибутами прецедентной ситуации Содом являются: 1) место, населённое грешными людьми; 2) место пороков человечества; 3) наказание за зло, постигшее людей. Атрибутами прецедентной ситуации о яблоке являются: 1) соблазнение Евы яблоком; 2) первый грех человека; 3) наказание за совершенный грех. Обе эти прецедентные ситуации объединяет общая идея о пороке и грехе и наказании о содеянном.

В романе излагаются философские мысли о смысле человеческой жизни. Человек, пока он молодой и красивый, сравнивается со свежими плодами на дереве. Однако, дойдя до конца жизненного пути, человек

умирает, полный зла и грехов, словно испорченное яблоко, падая с дерева жизни. Прецедентные имена служат одним из средств смысловой связности текста, выстраивая при этом дополнительные глубины его прочтения, средством интерпретации содержания произведения в контексте всей христианской культуры. Мощная метафора обобщение (*человечество, сгнивающее на корню*), обилие эпитетов с ярко выраженной негативной окраской (*горькая, испорченная труха*), повторяющихся отрицательные коннотации прецедентного имени "Sodom", придают данному имени статус ключевого слова, передающего не только главенствующие смыслы романа Д.Г.Лоренса, но и основополагающие концепты христианской культуры: понятия добра и зла.

Прецедентная ситуация очень часто вербализируется посредством использования аллюзивной фразеологической единицы библейского, мифологического, литературного или исторического характера. Проиллюстрируем вышесказанное примерами.

"The prodigal has returned" – he said. We will not fail to kill the fatted calf" (Maugham, *The Making of a Saint*).

В данном отрывке текста использована фразеологическая единица "to kill the fatted calf", означающая торжественное приветствие человека, который отсутствовал долгое время. Данная аллюзия отсылает сознание читателя к библейской притче о блудном сыне. Согласно притче, у одного старца было два сына. Младший из сыновей попросил отца поделить наследство. Через какое-то время, он продал свою долю наследства и уехал из дома. Истратив всё имущество, он вернулся домой. Радостный отец заколол в его честь ягнёнка и устроил пир в честь его возвращения. Используясь в тексте, данная фразеологическая единица задаёт некую модель ситуации и активизирует следующие признаки: а) человек, который ушёл из дома и вернулся после долгого отсутствия; б) человек, истративший всё имущество; в) человек, который не достиг своих целей; г) человек, сожалеющий о содеянном; д) радость его возвращению. При помощи

использования данной фразеологической единицы и связанных с ней коннотаций, автор в сжатой форме передаёт чувства персонажей, такие как сожаление об отъезде и радость при его возвращении.

В тексте может быть актуализировано две и более прецедентных ситуаций. Так, например, в отрывке из романа С. Шелдона “The Sky is Falling” прецедентная ситуация представлена аллюзиями на литературных героев: Шерлока Холмса Конан Дойля и Дориана Грея Оскара Уайльда:

Matt Baker looked as Dana walked into his office. “How's Sherlock Holmes today?”

“It's elementary, my dear Watson. I was wrong. There's no story there” [Sheldon, The Sky is Falling, p.70].

The front door of the cottage opened, and Eileen Evans stood there. There were still vague traces of beauty left, like clues to what once was, but bitterness had overlaid the past with a harsh brush. It was a Dorian Gray situation. (Her beauty had gone into Dana) [Sheldon, The Sky is Falling, p. 73].

Метафорическая антономасия («How's Sherlock Holmes today») и эпитет («a Dorian Gray situations) создают аллюзию с подтекстом, который концентрирует огромную информацию, она повышает смысловую насыщенность художественного текста. Ссылка на имя Шерлока Холмса создает стилистический эффект, основанный на взаимодействии предметно-логического и назывного значений имени собственного Sherlock Holmes. Персонаж писателя Конан Дойля стал носителем одной доминирующей черты - умения решать детективные головоломки дедуктивным методом. Именно это имел в виду Matt Baker, когда осведомлялся у Даны об успехах ее расследования. Доктор Ватсон - помощник Шерлока Холмса в рассказах Конан Дойля. Автор ссылается на знаменитую фразу Шерлока Холмса *Elementary, my dear Watsons*, пытавшегося объяснить, как легко понять логику размышлений в расследовании преступления. Эпитет во фразе «a Dorian Grey situations» несет в себе глубокий смысл. Ссылка на роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» подчеркивает ситуацию, с которой

сталкивается героиня романа «The Sky is Falling». Используясь в тексте, данный эпитет, выраженный аллюзивным антропонимом задаёт некую модель ситуации и активизирует следующие признаки: а) очень красивый и молодой человек; б) человек, старение которого отражалось на портрете. При помощи использования данного прецедентного имени и связанных с ним коннотаций, автор в сжатой форме передаёт чувства персонажа, которая навещает свою мать. Автор описывает стареющую женщину, которая подобно Дориану Грею утрачивает красоту, с одной лишь разницей, что ее красота уходит к дочери, а красота Дориана Грея гибнет на портрете, превращая самого Дориана Грея в отвратительного и злобного человека, сохранившего внешнюю красоту и молодость.

Для актуализации прецедентной ситуации также могут использоваться прецедентные понятия. Проиллюстрируем это на примере прецедентной ситуации в произведении С. Моэма “The Moon and Sixpence”. При описании картин Стрикленда, автор использует библейские понятия и легенды.

Who can tell what anguished fancy made these fruits? They belonged to a Polynesian garden of the hesperids... All that was healthy and natural, all that clung the happy relationships and the simple joys of men, shrunk from them in dismay; and yet a fearful attraction was in them, and, like the fruit on the Tree of the knowledge of Good and Evil, they were terrible with the possibilities of the unknown (Maugham, The Moon and Sixpence).

В данном отрывке, автор сравнивает нарисованные Стриклендом фрукты с фруктами на деревне познания добра и зла (like the fruit on the Tree of the knowledge of Good and Evil). Данное сравнение актуализирует прецедентную ситуацию о первом грехе, когда Ева и Адам без позволения Бога съели яблоко, сорванное с этого дерева, тем самым совершив первый грех в истории человечества, за что они были изгнаны из рая. Атрибутами данной прецедентной ситуации являются: 1) запрещённое; 2) соблазнительное; 3) наказуемое. Посредством использованного сравнения, автор подчёркивает мысль о том, что изображённое на картинах также как и

плоды с дерева познания соблазняют человека, и вместе с тем вызывают чувства опасной неопределённости, чего-то, что не должно быть и не может быть правильно.

В прецедентной ситуации, использованной в тексте реципиенте, выбор признаков может осуществляться выборочно. Так, в следующем примере в использованной прецедентной ситуации связанной с мифом о медузе Горгоне автор комически обыгрывает ситуацию с волосами, не актуализируя остальные признаки мифа.

It might not be the head of a goddess - indeed a screw of curl-paper on each side the temples quite forbade that supposition - but neither was it *the head of a Gorgon*; yet Malone seemed to take it in the latter light (Bronte. Shirley).

Мистер Мелоун приходит в дом мистера Мура. Не застав его, он собирается уходить и случайно в дверях видит женскую голову в папильотках. Образ женщины в многочисленных папильотках вызывает у него испуг, словно это была голова горгоны Медузы. В мифологии Медуза - чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Аллюзия *the head of a Gorgon* показывает комизм ситуации. Мелоун, высокий и крепкий ирландец, вдруг пугается при виде женщины в бигудях.

В заключении представляется возможным сделать следующие выводы:

- 1) прецедентная ситуация может реализовываться в тексте посредством прецедентного имени, прецедентного высказывания, выраженного антропонимом, топонимом, фразеологической единицей;
- 2) поскольку в памяти представителей английского лингвокультурного сообщества хранится весь прецедентный текст, использованное в тексте прецедентное имя или прецедентное высказывание, выдвигает на первый план определённую прецедентную ситуацию. В этом случае цитирующий текст «обогащается» смыслами прецедентного текста;
- 3) при реализации прецедентной ситуации может активироваться один из признаков или атрибутов прецедентной ситуации;
- 4) в определенном фрагменте текста-реципиента может актуализироваться две и более прецедентных ситуаций.

ВЫВОДЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Прецедентный текст реализуется в тексте посредством прецедентного имени, прецедентного высказывания, которые выдвигаю на первый план определенную прецедентную ситуацию мифологического, религиозного, литературного или исторического происхождения.

Антропонимы, имена религиозных и мифологических героев, персонажей, святынь и реликвий в ряде случаев выступают в качестве прецедентного имени в принимающем тексте. В качестве прецедентного имени могут выступать:

1) аллюзивный антропоним, т.е. имя человека, героя библейского или мифологического происхождения, которое используется в интертексте;

2) имена, перешедшие в разряд нарицательных и тем самым ставшие именами-символами, которые активируют в сознании читателя определенный концепт или прецедентную ситуацию;

3) аллюзивные топонимы библейского, мифологического, литературного, исторического происхождения, отличительным признаком которых является общеизвестность и культурная значимость.

Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной». Типичным прецедентным высказыванием является цитата.

В нашей работе, мы выделяем три типа прецедентных высказываний или в терминологии А.Г. Мамаевой аллюзивных цитат:

4) Атрибутированные прецедентные высказывания – графически оформленные, обычно закавыченные и которые приводятся без изменения и трансформации;

5) Неатрибутированные прецедентные высказывания – графически неоформленные и невыделенные, расшифровка которых требует фоновых знаний реципиента.

- б) Трансформированные прецедентные высказывания – графически неоформленные, которые вводятся в художественный текст в измененном и трансформированном виде

Прецедентная ситуация – это «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями», которая хорошо известна всем членам определенного лингвокультурного сообщества.

Прецедентная ситуация может реализовываться в тексте посредством прецедентного имени, прецедентного высказывания, выраженного антропонимом, топонимом, фразеологической единицей. Поскольку в памяти представителей английского лингвокультурного сообщества хранится весь прецедентный текст, использованное в тексте прецедентное имя или прецедентное высказывание, выдвигает на первый план определённую прецедентную ситуацию. В этом случае цитирующий текст «обогащается» смыслами прецедентного текста. При реализации прецедентной ситуации может активироваться один из признаков или атрибутов прецедентной ситуации или может актуализироваться две и более прецедентных ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование выполнено в русле теории интертекстуальности и прецедентности и посвящено изучению типов прецедентного текста в англоязычном художественном тексте.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется объект и предмет, формулируется цель и задачи диссертации, приводятся сведения о конкретных методах исследования, обосновываются новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

В первой, теоретической главе изложены основные положения теории прецедентности. Основными характеристиками прецедентных текстов являются хрестоматийность, общеизвестность, частотность и неоднократность обращения к ним, реинтерпретируемость, инвариантность, воспроизводимость, персонифицированность, эталонность, аксиологическая маркированность. Проблематика прецедентного текста естественным образом соприкасается с концепцией интертекстуальности, которая определяется как присутствие в тексте других текстов или их элементов.

Основными формами функционирования прецедентных текстов являются формы, основанные на механизме аллюзии: фразеологические единицы, паремии, цитаты, крылатые слова, детские стихи, загадки и считалки, песни, кино- и телетексты. Наиболее используемыми в этом ряду являются фразеологические единицы библейского, мифологического и литературного происхождения. Эти тексты возникают на национальной почве, либо заимствуются из другой этнокультуры, либо функционируют в масштабе большого культурного региона. Как показал анализ языковых единиц, наиболее частотными аллюзивными фразеологическими единицами являются ФЕ, маркированные ономастическим компонентом (антропоним, топоним, зооним, мифоним и др.), что является сигналом определенного кода, намека, аллюзии, ссылки к сюжету. Использование в качестве

прецедентных текстов детских стихов, считалок и рифмовок, песен объясняется их общеизвестностью и, следовательно, легкостью декодирования. Новые формы обмена информацией в современном обществе обуславливают также выдвигание на первый план массовой культуры как источника и поставщика прецедентных текстов.

Во второй главе проводится типология прецедентных текстов, основанная на выделении в качестве существенного признака наличие текста-источника. Результаты проведенного анализа позволили выделить следующие группы текстов-источников прецедентности англоязычной культуры:

1. Античная и западноевропейская мифология
2. Библия как источник прецедентности.
3. Произведения Шекспира и других английских классиков
4. Тексты массовой культуры, или медиатексты.

Для традиций англоязычной лингвокультуры также весьма характерно использование аллюзивных единиц кельтского фольклора и, в частности, цикла легенд, посвященных королю Артуру, рыцарям Круглого стола и поискам святого Грааля.

Наибольшее количество признаков устойчивости свойственно прецедентным единицам из корпусов античных мифологизмов и библеизмов. Знаки прецедентных текстов, выделенные из произведений Шекспира, сохраняют лингвокультурную устойчивость благодаря культурной актуальности созданной автором языковой картины мира, а также языковой личности автора. Подавляющее большинство знаков прецедентных текстов медийного происхождения представляет собой короткоживущую комбинацию звуковых, портретных и лингвистических кодов. Их универсальность достигается путём стандартизации массового употребления и умышленной ориентации на среднюю языковую норму.

В третьей главе рассматриваются особенности функционирования различных типов прецедентных текстов, а именно

прецедентного имени, прецедентного высказывания и прецедентной ситуации. Данные понятия являются тесно связанными, т.к. при актуализации одного происходит и актуализация второго. Так, прецедентная ситуация актуализируется через прецедентное высказывание или прецедентное имя.

Наиболее часто используемым в художественном тексте типом прецедентного текста является прецедентное имя. Прецедентные имена относятся к словам-символам, семантика которых представляет собой сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических сведений. Наибольшим потенциалом обладают собственные имена великих людей, героев и персонажей библейского, мифологического, литературного и исторического характера.

В качестве прецедентного имени могут выступать:

1) аллюзивный антропоним, т.е. имя человека, героя библейского, мифологического, литературного происхождения, которое используется в интертексте;

2) имена, перешедшие в разряд нарицательных и тем самым ставшие именами-символами, которые активируют в сознании читателя определенный концепт или прецедентную ситуацию;

3) аллюзивные топонимы библейского, мифологического, литературного, исторического происхождения, отличительным признаком которых является общеизвестность и культурная значимость.

Большая часть проанализированных нами аллюзивных имён семантически варьируются и включают в себя ряд коннотивных значений: 1) эмоциональных; 2) оценочных; 3) экспрессивных; 4) стилистических.

Прецедентное высказывание – это использованное в художественном тексте высказывание, ассоциирующуюся с определённой библейской легендой и актуализирующее ту или иную прецедентную ситуацию библейского происхождения. Типичным прецедентным высказыванием является цитата.

В нашей работе, мы выделяем три типа прецедентных высказываний:

- 1) Атрибутированные прецедентные высказывания – графически оформленные, обычно закавыченные и которые приводятся без изменения и трансформации;
- 2) Неатрибутированные прецедентные высказывания – графически неоформленные и невыделенные, расшифровка которых требует фоновых знаний реципиента.
- 3) Трансформированные прецедентные высказывания – графически неоформленные, которые вводятся в художественный текст в измененном и трансформированном виде

Как показал анализ языкового материала, прецедентные высказывания:

а) широко используются в художественном тексте; б) выражаются в основном атрибутированными, неатрибутированными и трансформированными цитатами; в) используются для создания художественного образа, описания его психологических или внешних характеристик; г) создания ироничного эффекта. Наибольшую трудность для декодирования представляют неатрибутированные и трансформированные прецедентные высказывания, т.к. не являясь графически оформленными, они требуют для опознания достаточно широких знаний в области религии, мифологии, литературы, истории, фольклора.

Прецедентная ситуация – это «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями», которая хорошо известна всем членам определенного лингвокультурного сообщества

Прецедентная ситуация может быть представлена в тексте посредством использования прецедентного имени, прецедентного высказывания, выраженного антропонимом, топонимом, фразеологической единицей. Для актуализации прецедентной ситуации также могут использоваться ключевые прецедентные понятия. Особенностью функционирования прецедентной ситуации является то, что в определенном фрагменте текста-реципиента могут актуализироваться две и более прецедентных ситуаций. Наряду с этим

также возможна акцентуация одного признака или атрибута прецедентной ситуации. В этом случае реализуется не вся прецедентная ситуация, а лишь его определенная часть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросенко В. П. Цитата как элемент сообщения и как фактор эстетического воздействия: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1988. 20 с.
2. Арнольд И.В. Интертекстуальность — поэтика чужого слова // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.: Сборник статей. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1999. — С.350-357.
3. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.: Сборник статей. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1999. — С.393-402.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — М.: Просвещение, 1990. — 300 с.
5. Барт Р. От произведения к тексту // Р.Барт Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. — С.413-424
6. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности.— Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001.— 272 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979а. - 320с.
8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. В кн. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 443 с.
9. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. — М.: "Художественная литература", 1986. — 541 с.
10. Берков В.П. Слово о двуязычном словаре. / АН ЭССР, Институт языкознания и литературы. - Таллин: Валгус, 1977. - 140 с.
11. Васильева В.В. Текст в культуре и культура в тексте// Фатическое поле языка: памяти проф. Л.Н. Мурзина.— Пермь, 1998.— С. 19-24.

12. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: Фоновые особенности ономастической лексики: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностр. - 3-е изд. - М.: Русский язык, 1983. - 269 с.
13. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 768 с.
14. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. — М.: Высшая школа, 1981.- 336 с.
15. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: "Наука", 1981. — 137
16. Горбунова Е. А. Лингвокультурный комментарий прецедентных феноменов в англоязычном художественном тексте. Автореферат дис. к. филол. наук, Самара, 2008
17. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Серия 9 Филология. 1997, №4. — С. 106-117
18. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвонаучные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.- С. 116-129.
19. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В.Гулыш, Г.В.Рамишвили. - М.: Прогресс, 1985. - 451 с.
20. Даирова К.Н. Структурно-семантические особенности цитаты и ее функционирование в тексте: Автореф. дисс. . канд. филол. наук. - М.:Московский ордена Дружбы народов гос. пединститут иностранных языков, 1983. 22 с.
21. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянкова // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4.

22. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. - 298с.
23. Дмитриева, О. А. Механизм восприятия прецедентного текста / О. А. Дмитриева // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. - Волгоград, 1999.
24. Дымарский М. Я. Текстовая компетенция и ее состояние в современной России // Лингвистический семинар . Вып . 1. Язык как многомерное явление. СПб . Бирск: Изд. Бирского ГПИ, 1996. С. 33-43.
25. Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого : (к пробл. идиостиля) : автореф. дис ... канд. филол. наук / Алла Александровна Евтюгина ; Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1995. — 18 с.
26. Женетт Ж. Структурализм и литературная критика // Женетт Ж. Фигуры I.— М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.— С. 159-179.
27. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей. - М., 1997. - Вып. 1.
28. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура . Памяти Татьяны Григорьевны Винокур . М.: Наука, 1996. С. 157-168.
29. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — Москва: Интрада, 1996. – 253 с.
30. Интертекстуальность // Энциклопедия "Кругосвет" // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a1.htm.
31. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., Наука, 1987
32. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные

- традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. - М., 1996.
33. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом, 1994, №1. – С.73-76
34. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. Вып.2 — М.: "Филология", 1997. – С. 7-16.
35. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. - 1997. - № 3.
36. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. - 1995. - № 1.
37. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // М.М.Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М.Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Том I. СПб.: РХГИ, 2001. - С.213- 244.
38. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. - М., 2001. – С. 72-81
39. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.
40. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц. – 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
41. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: Дисс. ... канд. филол. наук, М., 1977.
42. Машкова Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики: дис.... канд. филол. наук. М., 1989.

43. Машкова Л.А. Аллюзивность как категория вертикального текста // Вестник Московского университета. Серия 9. — 1989. — № 2. — С. 25-33.
44. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореферат дисс...канд. филол наук. — Волгоград, 1999. — 22 с.
45. Механизмы интертекстуальности // Энциклопедия "Кругосвет". 2001 // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a4.htm
46. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность : аспекты изучения проблемы / Е. В. Михайлова // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. - Волгоград, 1999.
47. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей). Автореф.дисс. . канд.фил.наук. Волгоград, 1999. - 18с.
48. Мухешвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии, 1997, №3. — С.79-91.
49. Мыркин В.Я. Текст, подтекст, контекст // Вопросы языкознания. -1976. - № 2. - С. 86 - 93.
50. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Вестник Уральского государственного технического университета - УПИ. Серия "Филология".- Екатеринбург, 2005. - № 60 (8).
51. Нахимова, Е. А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. - Екатеринбург, 2006. - Вып. 19.
52. Новохачёва Н. Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в газетно -публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков:
53. А. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

54. Панина М. А. Комическое и языковые средства его выражения: Автореферат дисс...канд. филол наук.— М., 1996. – 20 с.
55. Перкас С. В. Имена собственные и нарицательные в словаре и художественном тексте // Материалы к серии « Народы и культуры ». Вып . 25. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура . М., 1993. С. 141–143.
56. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре: Собр. тр. / Посл. и коммент. А.Л.Топоркова. - М.: Лабиринт, 2000. - 479 с.
57. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учебное пособие / Ю. Е. Прохоров. - М., 2004
58. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. –М.: Флинта, 2003.
59. Соловьева, М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Соловьева. - Екатеринбург, 2004.
60. Солодуб, Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. - 2002. - № 2.
61. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000.
62. Смирнов, И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака / И. П. Смирнов. - СПб., 1995.
63. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация. Вып.2 — М.: "Филология", 1997
64. Сорокин, Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание : парадоксальная рациональность. - М., 1993.

65. Супранская А.В. Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973. – 366 с.
66. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. — 1995, №6. – С.17-29.
67. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: "Флинта", "Наука". Под редакцией М.Н. Кожинной. 2003.
68. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
69. Томахин Г.Д. Выражения, вошедшие в английский язык из произведений У.Шекспира // Иностранные языки в школе. – 1993. - № 4. – С. 75-76.
70. Цырендоржиева Т.В. Дискурсивная модель аллюзивных средств: (на материале современного английского языка): Дис.... Канд. Фил. Наук. М., 1999. – 167 с.
71. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. - М., 2000.
72. Фатеева, Н. А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Н. А. Фатеева // Язык, сознание, коммуникация. - М., 1998. - Вып. 4.
73. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
74. Щекотихина И . Н . Воспроизводимость текста (на материале русского и английского языков): Автореф . дис. ... канд . фил . наук . Орел, 1996. 19 с.
75. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации (на материале немецкоязычных научно-критических текстов).— Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 1996.— 107 с.
76. Morawski St. The Basic Functions Of Quotation // Sign. Language. Culture. / Ed. board : A.J. Greimas. The Hague-Paris: Mouton, 1970. -P.690-705.

Список использованной художественная литература:

77. Bronte Ch. Jane Eyre. Harper & Brothers. New York. 1980
78. Brown D. The Da Vinci Code, N.Y.: Warner Books Edition, 2003
79. Cook R. Sphinx. - L.: Pan Books Ltd., 1979. – 288 p.
80. Eliot G. Silas Marner. Penguin Classics. New York. 1990
81. Fowles J. The Ebony Tower. - М.: Издательство Менеджер, 2000. – 256 с.
82. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. – Bungay, Suffolk: Triad Paper Backs Ltd. (The Chaucer Press), 1977. – 399 p.
83. Fowles J. The Magus. – Bungay, Suffolk: Triad Panther Ltd., 1977. – 656 p.
84. King S. The Stand. – N.Y.: Hodder and Stoughton; Doubleday, 1991.
85. Le Carre J. A Perfect Spy. - Coronet Books: Hodder and Stoughton, 1987. – 607 p.
86. Lawrence D.H. Women in Love. – L.: Penguin Popular Classics, 1963. – 543 p.
87. Maugham S. The Moon and Sixpence. Progress Publishers. –М.: 1972
88. O'Henry. Selected Stories. - М.: Издательство Менеджер, 2000. – 304 с.
89. Steinbeck J. East of Eden. Triad Granada. –New York. 1988
90. Sheldon S. The Sky is Falling N.Y.: Warner Books Edition, 2001. 399 p.
91. Sheldon S. The Naked Face. N.Y.: Warner Books Edition, 1984. 316 p.
92. Sheldon S. A Stranger in the Mirror. N.Y.: Warner Books Edition, 1981. 318 p.